

1

Драко

Основание скалы

Фантастическая повесть

БАБОЧКОЙ ОН НИКОГДА УЖЕ БОЛЬШЕ
НЕ СТАНЕТ... НАПРАСНО ДРОЖИТ
ЧЕРВЬ НА ОСЕННЕМ ВЕТРУ.

ИССА

Сектор 31, дуга 2, 2354\302(К)

Плотность звёзд: -----Исключительно низкая.
 Количество звёзд: -----Одна.
 Преобладающий тип звёзд: -----Класс G0, жёлтый карлик, непременная.
 Наличие планет: -----Две.
 Наличие обитаемых планет: -----Одна.
 Наличие космических цивилизаций: -----Одна.

Подробности:

Автохтонное название планеты: -----Дракия. (транскр. [Дррракхиа])
 Тип: -----Зм(- 150М), 28000км, 0с, 0.95g, 20ч.
 Жизнь: -----Органическая углеродная право- белковая, тип Зм.
 Разумная жизнь: -----Один неколлективный вид, двуполые общественные существа, тип M02
 Тип цивилизации: -----Индустриальная А+, переходящая на стадию [вне классификации].
 Общество: -----Бесклассовое, сложное, частично первобытно – общинное, резко специфическое в связи с физиологией расы.

Подробности:

Автохтонное название расы: -----Дракиане. (транскр. [Дррракх])
 Общепринятое название расы: -----Лраконы. (см. рис. 10 в приложении 2)
 Специфика расы: -----Крупные, способные к свободному полёту гомойотермные живородящие рептилии. Гетеротрофны, всеядны (тем не менее, этология расы – типичные альфа- хищники, см. приложение 2), шесть конечностей, все кроме крыльев – с втяжными когтями. Пальцеходящие (тип "кошка"); в нормальном положении тело ориентировано горизонтально, опорных точек четыре. При необходимости способны к полноценному прямохождению. Пятипалые передние конечности обеспечивают развитые манипуляционные возможности, четырёхпалые задние отличаются большой мускульной силой (в прыжке развиваемое усилие достигает 60 тонн). Общаются низкочастотными звуковыми колебаниями (~10 – 35000 Гц), зрение – тип [Ч+], цветное, стереоскопическое, широкоугольное, направленное вперёд; глаза бинокулярные с изменяемым фокусным расстоянием, коэффициент приближения – 0...12х, светосила соотв. ~200...50, диапазон воспринимаемых частот значительно расширен в инфракрасную область. Масса тела достигает 2– 2.5 тонн, длина (без хвоста) – до 4– 5 метров, с хвостом превышает 9 метров. Высота в плечах до полутора, на кончике рогов – до трёх метров. Тело покрыто прочной и пластичной чешуёй, крылья (до 16 метров в размахе) перепончатые, складывающиеся, прочность перепонки на разрыв 8 тонн. Максимальная скорость в полёте – до 500 км\ч, на земле – до 80 км\ч, потолок 18 км, предельный манёвр 9G, грузоподъёмность до 1.5 тонн. Дальность беспосадочного полёта (взрослый самец, 300 км\ч, без груза) – до 4000 км. Способ наземного передвижения – частично прямоходящий.
 Особенности: -----По цвету чешуи различают девять подвидов, все способны скрещиваться и давать полноценное потомство. Общие особенности расы: высокая устойчивость к жёсткому излучению; высокая температурная адаптируемость; уникальная эффективность обмена веществ (до 80%);

уникальная эффективность регенерации тканей и утраченных органов (независимо от степени тяжести травмы, выживший организм восстановится в первоначальном состоянии менее чем за полгода); уникальная способность тканей переходить к анаэробному дыханию при опасности для жизни организма; уникальная биохимическая эффективность (все необходимые для жизни вещества и аминокислоты организм вырабатывает сам); высокая выносливость и неприхотливость к условиям окружающей среды, в частности, почти универсальная кормовая база и слабая восприимчивость к ядам; исключительно быстрое восстановление ресурсов организма после переутомления или контузии; полное отсутствие генетических и эпидемических заболеваний, практически полная устойчивость к любым заболеваниям. Чистота генома разрешает безболезненный для популяции инцест, однако в социальном поведении расы его не наблюдается. Полёт обеспечивается биологическими гасителями гравитации, механизм их работы нуждается в изучении. С развитием науки аборигенами было произведено изменение геномной расы, разработано индивидуальное бессмертие, многие параметры организма усилены либо модифицированы. Оригинальный вид не сохранился.

Краткая характеристика: ----- *Высокоразумная, воинственная и эмоциональная раса с ярко выраженной склонностью к машинной цивилизации. Сильно развиты инстинкты, в особенности альфа-доминанта предковых хищных форм; наибольшее проявление находит при защите потомства. Слабый половой диморфизм выражен только в повышенной агрессивности самцов; как правило, моногамны, семейные ячейки очень устойчивы. Обычно размножаются с периодичностью 10 – 15 лет, самка приносит не более одного детёныша. Заботу о потомстве всегда проявляют оба родителя, половое созревание детей наступает в 12–13 лет. Исключительно быстро обучаются; очень высокий средний уровень интеллекта; низкая плотность популяции (самки способны предохраняться от зачатия, население планеты не превышает 100 миллионов особей). Уникальная особенность расы: полное отсутствие внутривидовой воинственности, связанное с чрезвычайно сильными социальными и общественными чувствами. Ответственность перед родом и альтруизм присущи подавляющему большинству особей, что в совокупности с мощным интеллектом обеспечивает необычайно высокий уровень жизни и общественного сознания. Аналогов в Галактике пока не обнаружено.*

Резюме: ----- *Чрезвычайно опасная раса, способная претендовать на доминирующее положение в Галактике. Крайне рекомендуется избегать любых контактов.*

(Выдержка из "Справочника по цивилизациям Секторов 0– 50", Земля, 2354 год)

Часть первая:

Червь на осеннем ветру

Раб стоял перед Господом и смотрел на его ноги. Глас Господен леденил ему кровь. Ужас, смертельный страх, отчаяние и жалкая, бессмысленная надежда на милость терзали душу, но милости он не ждал. Раб, преступивший волю Господа, должен понести наказание.

– Тьяса, ты очень плохо поступил. Ты меня ослушался.

– Нет, Господи, нет! – он в отчаянии согнулся, содрогаясь от биений обезумевшего сердца. – Это была случайность!

– Тьяса, ты хотел обмануть меня. Но меня нельзя обмануть.

Раб, трепеща в ожидании кары, рухнул на колени. Первый удар хлыста заставил его до крови закусить язык, второй – закричать, третий бросил его на холодный мраморный пол Обители. Он подполз к ногам Господа.

– Я не хотел! – его трясло, по спине струилась кровь. – Господи! Это случайность! Я перепутал мешок!

Четвёртого удара не было и раб, содрогаясь, приподнял голову, осмелев скользнуть взглядом по ногам Господа и остановить дерзкие глаза на поясе. Там висел Свет Божий, и раб в страхе принялся лизать сапоги своего господина. Ибо все знали, зачем нужен Божий Свет...

– Я прощу тебя на сей раз, Тьяса, поскольку раньше за тобою не было подобных случаев. Но помни – Господь видит всё.

– Да! Да! Спасибо, Господи! Спасибо! – от радости раб принялся кувыряться по полу, пока нога Господа не пнула его под рёбра, лишив дыхания.

– Иди в хлев и три дня не выходи оттуда. Запомнил?

– Да, Господи, я запомнил... – смиренно поклонившись, раб вышел из Обители, но тут ликование превысило его выдержку и он с радостными криками бросился в хлев, к остальным рабам.

Поведать о великодушии Господа.

Его звали Тьяса. Он был одним из тех, кому сказочно повезло – Господа разрешили им (им!!!) посещать божественные Обители. Иногда даже давали еду. За это Тьяса собирал у своих соплеменников красивые блестящие камни и относил их Господам. Так продолжалось всю его жизнь, пока однажды, совершенно случайно он не перепутал мешок с камнями...

При мысли о гневе Господа Тьяса задрожал и поглубже залез в тёмный уголок хлева. Кабы не доброта и великодушие, Господь мог отнять у Тьясы Знак! А тогда и Тьяса, и вся его семья, были бы обречены. Господа не промахиваются на охоте.

Вспомнив о прошлой охоте Господа, Тьяса скрутился в клубок и тихо застонал. О, Крылатые, спасибо, что дали Тьясе ещё один шанс. Он докажет, что Господь не зря оставил ему Знак. Он принесёт Господу много– много блестящих камней, и Господь сможет отдать их Крылатым, и станет добрым, и больше не вспомнит про ошибку... Никто, никогда ещё не видел доброго Господа. Но надежда – верная союзница всех господ – живёт в каждом рабе. Жила она и в Тьясе.

Один, в темноте, скорчившись от боли в изуродованной спине, Тьяса лежал на грязном полу хлева и думал о своих богах. Крылатые... Как они прекрасны! Величественные, сверкающие, огненноглазые, жители неба очень редко посещали холодный мир, где жил Тьяса. Их боялись даже Господа. Однажды Тьяса видел, как Крылатый накричал на Господа и тот промолчал, не осмелившись возразить. Боги тоже любили блестящие камни, и сердились, если им подносили плохие...

Тьяса тогда убежал, испугавшись, что бог его заметит, а Господь наутро отнял Знаки у троих рабов и отвёз их в степь. Вернулся Господь вечером того же дня, довольный и весёлый. Один.

Невольно Тьяса задумался о невероятно далёком времени, когда Господь ещё не было. Как тогда жили? Он не знал. И Тьяса, и все его предки до десятого поколения – все служили Господам. Так было. Так должно быть, ибо Господь достоин поклонения...

Постепенно пришёл сон. Тьясе снилось, как он идёт по степи, а вдали стоит

Господь. Тьяса знает, что Господь хочет камни, и начинает их искать, но камней нет, а Господь всё ближе и ближе. От страха Тьяса падает на колени, и вдруг видит большой камень. Он поднимает его, протягивает Господу... И Господь берёт камень! И не убивает Тьясу!

...Проснулся. На дворе стояла ночь. Сквозь щели в стенах отчётливо доносился заунывный вой ветра, предупреждавшего, что долгое лето подходит к концу. Это был уже второй Ветер в жизни Тьясы, и он знал, что наступит после лета. Придёт осень, задует бесконечный, холодный Северный Ветер и прилетят Крылатые. Так уже было много тысяч дней назад. Много раз было.

Господа говорили, что Ветер приходит каждые сорок их "лет". Тьяса не понимал этого. Он просто чувствовал, что скоро наступит осень, прилетят Крылатые и рабам придётся покинуть тёплый господский хлев.

Нельзя, чтобы Крылатые видели Тьясу или его друзей. Боги могут рассердиться, узнав, что Господа разрешили таким ничтожным существам, как Тьяса, собирать для них камни. И тогда у Господ будут неприятности... А что такое неприятности Господа, знали все.

Тьяса невольно дёрнул хвостом и погладил блестящий Знак, висевший на груди. Пока Знак здесь, его семья в безопасности. Сам Господь дал Тьясе Знак, это завет спасения, он защитит Тьясу! Осенью Знак покажет всем Господам, что Тьяса не дикий и на него нельзя охотиться. Господа добры и милостивы, они охотятся только на диких зоргов, а рабов щадят, иногда даже подвозят к пещерам. Прошлой осенью это счастье выпало на долю молоденького Тьясы. Господь не убил его, заметив Знак. Он посадил Тьясу в Божественный Летающий Дом, на груди тел сородичей, отвёз к пещере и даже засмеялся, когда всё племя простёрлось пред ним ниц. Больше никто в мире не умеет летать, только Господа. И Крылатые. Так Тьясе рассказывал старый Кьянта, который в молодости трижды видел богов.

– Ш– ш– ш– ш, – тихий голос второй подруги заставил Тьясу вздрогнуть. Он протянул руку и погладил нежную кожу на шее Няки.

– Хорошая моя... Я жив, Няки! ОН оставил мне Знак!

Ньяка тихо засмеялась. Голоса разбудили первую подругу, Икьян; привстав, она свернула хвост вопросительной улиткой и уставилась на Тьясу:

– Ты вернулся!

– Да, хорошая. ОН дал мне шанс исправить ошибку.

– Как он добр! – прошептала Ньяка. Её рука нежно скользнула вдоль спинного гребня Тьясы, заставив зорга с силой прогнуться от наслаждения.

– Да, ОН добр и милостив, хорошие мои. Идите сюда.

Подруги приблизились. Тьяса с тихим шипением коснулся их шей. Нежное поглаживание заставило Икьян зашипеть в тон мужу, но Тьяса покачал головой.

– Нет, хорошая, сначала вторая. Нам нельзя сейчас заводить детей.

Икьян вздохнула, и молча смотрела, как Ньяка и Тьяса получают удовольствие. Лишь отпустив вторую, зорг потянулся к первой. Икьян, конечно, не смогла насладиться так, как было бы, возьми он её по правилам. Но Тьяса прожил много сотен дней, куда больше, чем удавалось другим зоргам, и приобрёл мудрость. Икьян понимала его. Действительно, сейчас не время для детей, а ведь Тьяса тоже получал куда меньшее удовольствие, меняя очерёдность подруг...

Утром зоргии ушли в поля, искать камни для Господа. А Тьяса, оставшись дома, принялся вырезать из дерева идола. Он хотел принести в жертву богам маленького цыву, закрепив тем самым их благоволение.

На дворе завывал холодный ветер. Тьяса с тоской понял, что лето кончилось. Отныне многие, многие тысячи дней будет выть страшный Северный Ветер, и Тьяса больше никогда не увидит солнце – ведь ни один зорг не переживёт вторую зиму.

Он подошёл к двери хлева и долго смотрел на розовое небо, пока первые тучи не скрыли солнце от его узких зелёных глаз. Руки Тьясы дрожали, когда он закрывал двери. То была судьба. Не Тьясе решать, когда посылать Ветер.

Вернувшись в свой уголок, зорг тщательно очистил кусок дерева от коры и вытащил из тайника главное сокровище его семьи – старый, заржавленный обломок ножа. В начале лета Господь сам разрешил Тьясе взять кусочек, когда попал в него этим ножом. Тогда Тьясе повезло: он был в периоде, и чешуя выдержала удар. Нож сломался. А Господь долго хохотал, когда перепуганный зорг лежал у него в ногах, моля не наказывать за поломанный нож...

Вздыхнув, Тьяса принялся за дело. Аккуратно наметил контуры будущей фигурки, быстрым движением очертил линию спины. Высунув от усердия язык, зорг

очистил заготовку от заусениц и потёр её о твёрдую чешую на конце хвоста. Хорошо! Отличная спина!

Теперь следовало сделать голову. Тьяса долго примеривался, пока наконец не взмахнул ножом, разрезав деревяшку по сложному профилю. После очистки он невольно зажмурился – боги сегодня были с ним. Иначе как объяснить, что идол получался таким красивым?

Спустя два часа Тьяса поставил фигурку на полено, служившее его семье столом, и тихо вздохнул. На него смотрел Крылатый. Самый настоящий. Тьяса недоверчиво оглядел свои руки: неужели это создал он?! Нет, наверно сам Крылатый помог ему, решив пожить немного в идоле... Конечно! Ведь сегодня пришёл Ветер!

Подумав об этом, Тьяса перепугался. Он бросился в другой конец хлева и вытащил из ямы цыву. Червь извивался, тогда Тьяса откусил половинку, а остаток положил у ног идола. Затем зорг упал на колени, протянув руки к богу.

– О, Крылатый, прими этот дар! Дай нам свою защиту!

Идол не сдвинулся с места, и Тьяса в отчаянии застонал. Слишком поздно... Крылатому надоело сидеть в деревяшке. Теперь боги решат, что Тьяса не накормил их специально!

От ужаса зорг задрожал, как лист на ветру. Он спрятался в углу хлева и до темноты сидел там, закрыв глаза и стараясь не думать. Все знают: боги любят только тех, кто не думает.

Наконец, уже к вечеру, Тьяса открыл глаза. И вскочил – цывы не было! Крылатый вернулся и забрал дар! О, боги, как вы милосердны! Он принялся прыгать по хлеву и радостно шипеть. Так его и застали подруги.

– Тьяса? Что случилось? – в тревоге спросила Ньяка.

– Крылатые приняли мой дар! – в восторге вскричал зорг и рассказал о жертвоприношении. Ликование передалось всем, до утра они веселились, приведя Тьясу в полное изнеможение. Как принято, идола закопали в яме с цывами: если Крылатый вернётся, он никогда не останется голоден.

– Зорги, на выход!

Голос Господа вонзился в сон Тьясы, как гарпунные жвалы пауков уц пробивают тела насекомых. Зорг в панике вскочил, ударившись о стену. Со двора доносился басовитый рокот большого Божественного Летающего Дома; это значит, что прилетели Крылатые! И рабам пришло время покинуть хлев Господа. О, Крылатые...

– Быстрой, быстрее! – шёпотом торопил он подруг, пока те собирали свои нехитрые вещи в мешочек из шкурки дмьорго. Наконец, тройка Тьясы была готова и, вместе, прижимаясь друг к другу, они вышли во двор.

Ветер набросился на зоргов, заставил их прикрыть прозрачные внутренние веки и сжать ноздри. По небу бежали тёмно– пурпурные тучи, мрачные сумерки опустились на степь. И Тьяса внезапно подумал, что так теперь – до смерти. Всю оставшуюся жизнь он будет дрожать от холода, смотреть сквозь вторые веки и никогда более не увидит солнца. Он больше не вернётся в этот дом. И никогда, никогда более не почувствует восторг от близости бога...

– Двигай, двигай! По машинам! – Господа нервничали. Видимо, Крылатые были уже близко. Пока десятки соплеменников Тьясы залезали в Божественный Летающий Дом, зорг с тоской смотрел на свой хлев. Он прощался. Отныне их ждут мрачные, холодные пещеры, дымящие костры, плохая пицца и холод. Вечный холод. Тепло ушло вместе с солнцем; Тьяса знал, что до самой смерти будет мечтать об одном– единственном луче прекрасного пурпурного света, и знал, что не дождётся.

– Все поместились? – в кузов заглянул Господь. – Ну– ка... Да, вроде никого не забыли. Идальго, они все здесь.

– Молодец, Хуан. Выгрузи их возле Бычьих Кишок... Потом лети к морю и захвати немного кувстры.

– Зачем?

– Если спросят, куда летал, скажешь правду...

Смеющиеся Господа пропали из поля зрения Тьясы. Зорг вздохнул. Весной, тысячи дней назад, он видел Крылатых и навсегда запомнил чувство восхищения, ни разу прежде им не испытанное. В тот день Господь не успел спрятать зоргов и приказал им сидеть в подвале без единого звука, но, истинно, он мог бы и не приказывать. Тьяса потерял дар речи, узрев Крылатого сквозь щель в полу...

– Старт!

И вновь, как однажды давным– давно, Тьяса задрожал от восторга, чувствуя, как возносится вверх. Он тихо зашипел, друзья последовали его примеру. Зорги не могли понять, почему их так тянет в небо – ведь крыльев у них никогда не было. В мире лишь одно существо обладало крыльями, но Божественный Летающий Дом уносил зоргов прочь, лишая шанса узреть совершенство.

Летели долго. Свист ветра постепенно одолел рабов, мерное покачивание кузова клонило в сон. Многие первые подруги уже спали, сомкнули веки даже некоторые вторые. Ньяка прижалась к своему центрию и явно собралась присоединиться к давно уснувшей Икьян, когда внезапно тишину грузового отсека нарушил голос Господа:

– Ящерицы, на выход.

Тьяса вздрогнул и вскочил на ноги. Он достигал почти метра в высоту, то есть был на редкость крупным зоргом. Зеленовато– серо– оранжево– чёрный окрас чешуи делал Тьясу заметным на фоне серо– зелёных и серо– синих соплеменников.

Его мускулистые задние ноги немного дрожали от волнения. Когда Тьяса спрыгнул на красную траву, балансируя метровым хвостом с шипом на конце и прижав небольшие, по сравнению с ногами, руки к узкой груди, холодный ветер заставил его опустить внутреннее прозрачное веко. Чешуя быстро сменила цвет на пурпурно– серый, точно соответствовавший степной растительности. Простой рефлекс маскировки, ибо Тьяса был насекомоядным. Его кровь охладела, адаптируясь к среде: зорги занимали среднюю позицию между холодно– и теплокровными. Их тела не сохраняли постоянную температуру, но имели нижний предел, ниже которого не охлаждались. Зимой Тьяса становился вялым и слабым: все силы его хрупкого организма уходили на обогрев. Но в тёплое время Цикла он мог не есть много дней, ибо тратил мало энергии, не заботясь о температуре тела.

Как всегда в это время, чешуя Тьясы была мягкой и непрочной; ведь трёхсотдневный Период, когда зорги неспособны к размножению, недавно уступил место тридцатидневному, в течение которого центрии становились уязвимыми и слабыми, зато могли осеменять вторых подруг с помощью добавлявших свои хромосомы первых. Во время Периода самки размножались сами, рождая вторых подруг, но только с помощью Тьясы мог бы родиться центрий, содержащий сразу две половые клетки, или первая подруга, содержащая специфическую хромосому, необходимую для рождения центрия. Когда совмещались хромосомы Тьясы и первой подруги, в теле второй рождался центрий. Когда хромосома Тьясы не соединялась, тогда вторая подруга рождала первую, имевшую только одну хромосому – ту самую, которая не передавалась без помощи Тьясы. Если хромосома центрия не соединялась, то Тьяса служил простым переносчиком генетического материала из тела первой подруги в тело второй: без специфического компонента, который он добавлял, хромосомы Икьян не смогли бы осеменить Ньяку, и она не родила бы первую подругу.

Но сейчас пришёл Ветер, и время ли думать о детях?! Тьяса печально покачал большой, удлинённой головой с огромными глазами ночного жителя, которые были сейчас прикрыты вторым веком. Его тонкие и непрочные зубы не смогли бы прокусить даже человеческую кожу, но отлично справлялись с насекомыми и пауками, которых Тьяса просто обожал. Длинный оранжевый язык зоргов умел ловить добычу на лету.

Впрочем, сейчас завтраком и не пахло. Тьяса огляделся. Из божественного летающего дома выпрыгивали зорги; на шесть вторых подруг приходились три первых, и только один центрий. Тьяса с тоской посмотрел на ожерелье из хвостовых шипов, висевшее на шее Господа. "Они не знают, что центриев мало, и охотятся в основном на них" – подумал он печально. Зорги сбились кучкой, сжимая свои Знаки и со страхом следя за Господином.

Тот вытащил мешок с их вещами:

– Ну вот, начинается осень, – бросив мешок рабам, Господь скрестил на груди руки. – До весны вы будете жить в пещере. Когда Крылатые улетят, я или кто– то другой подъедет и заберёт урожай. Помните: раз в полторы сотни дней мы будем

приезжать за камнями. Тот, кто утаит или не найдёт, лишится Знака и добавит свой шип сюда, – Господь указал на ожерелье. Его тяжёлая, сильная рука коснулась Божьего Света.

Зорги в страхе повалились на землю. Господь посмотрел на них, сплюнул и неохотно двинулся к Божественному Летающему Дому. Но прежде чем закрыть за собой дверь кабины, он высунулся наружу, оглянулся на рабов и добавил:

– А кто найдёт самый большой и хороший камень – того мы, быть может, возьмём в Обитель и он будет всю Зиму жить в тёплом хлеву. Помните это тоже.

Хлопнула дверца. Мерный рокот гравитоимпульсного проектора позволил самым смелым рабам поднять головы. Они долго провожали взглядами Божественный Летающий Дом.

– Пойдём, Тьяса... – Икьян потянула свонго центрия за гребень. Зорг отвернулся. Его страшно тянуло в небо, хотелось воспарить над тучами, чтобы увидеть, последний раз взглянуть на Солнце... Но Божественный Летающий Дом давно превратился в чёрную точку. Тьяса с тоской следил за ней, пока та не скрылась в тучах.

Повисла тишина. Зорги притихли, холодный утренний воздух пощипывал их чешую. Мёртвое однообразие степи нарушал лишь заунывный вой вечного Ветра.

Помолчав, Тьяса вздохнул и поднял мешочек со своими вещами.

– Пойдём, хорошая.

И они медленно побрели к далёким горам, вслед за десятками ородичей, которые, дрожа от холода, крепко сжимали Знаки, часто оглядывая степь – нет ли поблизости Господа?

3

– Холодно... – Тьяса сидел около костра, доедая небольшого окоченевшего цыву. "Скоро их тоже не останется..." – печально подумал он. Вздохнув, зорг с дрожью придвинулся к пламени. Немного погрелся.

Наконец, с трудом поднявшись, он побрёл дальше, оставив костёр одиноко догорать в степи. Рука Тьясы сжимала мешочек с несколькими камнями. Но камни были плохие. Господь будет недоволен Тьясой, он вспомнит, как тот ошибся, и отнимет Знак.

Зорг невольно сжал пластиковый кружок с буквой "Z", висевший на его груди. До горизонта простиралась мрачная тёмно– красная степь, по небу мчались пурпурные тучи, гонимые вечным ветром с Севера. Тьяса не знал, что такое "кровавый цвет", ведь его кровь была прозрачной. Но пейзаж навевал ему грусть, ибо зорг понимал, что дальше будет только холоднее и холоднее... А Ветер с каждым днём станет завывать громче, и придёт время, когда все зорги войдут в глубокие пещеры, сожмутся в клубки и заснут на сотни сотен дней. Тьяса знал, что ему несуждено будет проснуться, и это заставляло его плакать по ночам. Он любил жизнь. Какой бы она ни была. И ведь Тьяса не знал другой...

Медленно брёл он по бесконечной степи, направляясь к дому. Начинался Период, и Тьяса испытывал сильные боли, поскольку его чешуя твердела, а метаболизм тела менялся. Центриям не следовало много ходить в эти дни, но скоро прилетит Господь, а Тьяса ещё не нашёл камни!

Тяжело вздохнув, зорг осмотрел очередной участок степи. Нет, и здесь нет камней. Интересно, а когда они кончатся, что сделают Господа?

"Отберут у всех Знаки" – подумал Тьяса и дёрнулся от боли. Он этого уже не увидит. Но его маленький центрий... О, Крылатые, придите к нему! Помогите найти камни, помогите стать полезным для Господа! Может, тогда ему дадут Знак?!

Хотя хвостовые шипы троих предыдущих детей Тьясы уже украшали ожерелье Господа. Горько всхлипнув, зорг продолжил свой путь, дрожа от холода и зажимая ноздри от пыли. В груди что– то болело; Тьяса боялся не дойти домой. Тогда Господь отнимет Знак у Ньяки и Икьян! Нет, он должен дойти, должен принести камни...

Несколько часов спустя замёрзший и измученный Тьяса услышал вдали странный шум. Его передёрнуло. Неужели страшные дьяква?! Нет, только не они! Только не сейчас!

Он упал в траву и моментально набросал на себя песок, приняв его цвет. Лёжа на спине, Тьяса не мог повернуть голову и смотрел только в небо; его ноздри чуть

приподнимались над песком, зорг был почти невидим. Конечно, это не спасёт от Божьего Ока, которое носили на поясе все Господа. Но сквозь Око Знак был отлично виден... Тьяса так на это надеялся!

Шум постепенно усиливался, и вскоре зорг понял, что это не хищники. Нет, шум исходил с неба, это был Божественный Летающий Дом! Охота Господа!

Всклипнув от страха, Тьяса вскочил и поднял над головой Знак.

– Я Тьяса, я Тьяса, я не дикий, не надо, я не дикий...

Он замолчал, когда понял, что видит не Божественный Летающий Дом, а нечто другое. С неба прямо на зорга падал слепящий огненный шар! Взвизгнув, Тьяса бросился бежать, прижав Знак к груди и вытянувшись в струнку.

Страшный свист сзади нарастал. Зорга подхватила волна горячего воздуха, и внезапно раздался такой грохот, что Тьясу швырнуло на землю. Тонко закричав, он стал закапываться в песок. Там зорг пролежал полчаса, трясаясь от страха.

"Что это было?!"

Он не знал. Но страх держал его на цепи не хуже, чем милостивый Господь. Тьяса неподвижно лежал в песке, пока не почувствовал тепло.

"Степь горит!" – понял он и в ужасе вскочил. Так и было. Непонятно почему, огонь мчался не со стороны взрыва, а наоборот – со всех сторон к эпицентру. Тьяса заметался в смертельном страхе.

"Сгореть?! Или пойти ТУДА?!"

Но жажда жизни победила, и с тоскливым криком Тьяса помчался обратно. Вскоре он с изумлением увидел, что красной травы нет – вместо неё степь покрывали обугленные головешки. Немного дальше пропали даже они, и перепуганный зорг помчался по сплавленной в стекловидную массу земле. Ноги горели от жара, сзади настигал огонь...

"Это конец" – понял Тьяса, и внезапно успокоился. Он сделал всё, что мог. Боги решили, что Тьяса перестал быть полезным. Остановившись, приплясывая на горячей земле, зорг обернулся к пламени, чтобы встретить смерть лицом.

"Крылатые, простите меня," – подумал измученный Тьяса, закрывая глаза под гул бушующего пламени.

Но смерть не спешила. Задыхаясь в раскалённом воздухе, Тьяса приподнял

внешние веки. Огонь ревел совсем рядом, не в силах пересечь голую полосу оплавленной земли, и Вечный Ветер, дувший Тьясе в спину, теперь мешал пламени достичь зорга. Ноги так горели, что Тьяса закричал и принялся бегать по выжженной полосе, стараясь унять боль.

Вскоре зорг понял, что это лишь отсрочка. Он упадёт на горячую землю и умрёт. Но не быстро, а медленно. В отчаянии Тьяса поднял глаза к небу, желая вознести последнюю молитву Крылатым – и УВИДЕЛ!

С неба спускался белый цветок! Тьяса так удивился, что на мгновение замер, но страшная боль заставила его вскрикнуть, и продолжить жуткий танец смерти. В душе у зорга царило ликование. Крылатые услышали его! Он ещё полезный! Они решили спасти своего раба! О, спасибо вам, Крылатые!

Чем ниже спускался цветок, тем огромнее он казался. Снизу, на верёвках, висело нечто чёрное; но ветер сносил цветок в огонь, и времени на раздумья не оставалось. Подпрыгнув, Тьяса с воплем отчаяния повис на длинном канате, который тащился за цветком. Мгновенно забравшись на чёрный предмет, зорг выхватил свой обломок ножа и с безумием отчаявшегося принялся пилить горящую верёвку. Едва успел. И тут цветок взлетел над огнём.

Жар снизу заставил Тьясу закричать и скорчиться в клубок. Чешуя стала менять цвета один за другим, из ноздрей полилась кровь, коготки прямо на глазах стали искривляться от высокой температуры. Однако Крылатые поняли, что зорг умрёт, и поэтому цветок сразу взлетел высоко– высоко, где холодный Ветер подхватил его и понёс в сторону от пожара.

Тьяса долго не мог прийти в себя. Его род отличался редкостной живучестью, и он не умер, но прошло несколько часов, прежде чем измученный зорг сумел приоткрыть воспалённые глаза. Посмотрел в небо. Ветер остужал его обожжённую кожу, сердца бились всё спокойнее и Тьяса понял, что смерть ушла. Приподнявшись, он с ликующим воплем вцепился в верёвки и горячо поглагодарил Крылатых за чудесное спасение. Ибо только чудом мог он объяснить появление цветка.

Который понемногу снижался, всё ближе подлетая к горам Тьясы. От восторга зорг задрожал. Как они добры! Они принесли его домой! Тьяса припал к странному

чёрному предмету и в волнении смотрел на приближающуюся поверхность красной степи. Удар! Предмет поволокло по земле, но зорг уже соскочил с него, и сейчас бежал следом. Обожжённые ноги и изуродованные пальцы болели так, что Тьяса невольно плакал, но как он мог стоять – ведь боги прислали ему нечто!

Наконец, цветок запутался в колючих кустах и воющий ветер перестал тащить его по степи. Хрипло дыша, Тьяса подбежал к чуду, упал на колени и долго смотрел на белую ткань, не осмеливаясь дотронуться.

"Это... Это они прислали, чтобы спасти меня! МЕНЯ!"

Не веря глазам, зорг коснулся материи парашюта. От блаженства его затрясло. Вещь богов... Это ВЕЩЬ Крылатых! И он, Тьяса, её трогает!

Час спустя зорг уже лежал, завернувшись в ткань. Ему было тепло! Холодный Ветер не мог достать бедного Тьясу! Теперь он переживёт Зиму! Все они переживут! О, Крылатые, спасибо вам! Спасибо!

Зорг лежал там до вечера, пока его не нашли двое друзей, Мьянкву и Тригья. Зорги с ужасом выслушали сбивчивый рассказ Тьясы и долго щупали материю. Наконец, поверив, они стали кричать и прыгать от радости. Мьянкву побежал в пещеры, чтобы привести подруг и забрать чудесный дар богов. А Тьяса и Тригья принялись исследовать странный чёрный предмет.

Когда темнота опустилась на степь, зорги перетащили Цветок Богов в пещеру и спрятали в самом дальнем углу, бережно очистив камни от мха и паутины. Пока Икьян вылизывала раны Тьясы, Ньяка недоверчиво разглядывала чудесный подарок и барахталась в ткани. Другие зорги пока опасались подходить ближе.

Тьясе было очень плохо; но он знал, что выживет. Однажды Господь поджёг хлев, случайно направив на него Свет Божий. Тогда Тьяса обгорел сильнее, а две маленькие подруги сгорели совсем. Но Господь был так добр, что не выбросил зорга, а позволил ему лежать в подвале и даже один раз разрешил Икьян накормить Тьясу свежими цывами. Вот как милостив Господь!

Пока зорг с тихим шипением принимал ласки подруги, десяток его соплеменников толпились вокруг странного чёрного предмета. Он был в три раза больше зорга и очень тяжёлый, но никому из них даже в голову не пришло отрезать верёвки. Испортить Вещь Крылатых?!

Снаружи, Вещь немного напоминала толстого и короткого цыбу, но была очень твёрдой. И на ней имелись божественные письмена, а рядом маленький рисунок Крылатого. Молодой зорг Ньяма, увидев рисунок, повторил его на скале, и весь вечер племя с восторгом разглядывало своего бога.

Огромные, могучие, Крылатые были самыми лучшими и добрыми богами в мире. Ведь они спасли Тьясу, и только благодаря им Господа не убивали всех зоргов сразу. Ибо Крылатые в доброте своей позволили жалким зоргам служить Им, и добывать для Них камни. Господа забирали камни, давали Крылатым, и боги терпели Тьясу и его соплеменников. Как они добры!

Тьяса в восторге задёргался и закрыл глаза, представив себе, что он, именно ОН оказался полезным для богов. Икьян поняла это по- своему, принявшись облизывать Тьясу в другом месте. Центрий невольно отозвался и в последний раз перед наступлением Периода взял своих подруг. Друзья тактично подождали, пока он кончит, и только затем попросили помочь с божественным подарком.

Зорги долго и тщательно осматривали чёрный предмет, щупали его, пытались понять. Наконец, обессилевший Тьяса заснул, положив голову на плечо Ньяке. Она нежно погладила своего центрия и напустилась на остальных, с требованием дать Тьясе отдохнуть. Те согласились, и в пещере наступила тишина. Только трещал костёр, а снаружи выл вечный Ветер.

Икьян отправилась в другой конец пещеры, брезгливо отбрасывая мерзких пушистых животных, которые грелись у костра. Они назывались "мситри" и зорги терпели их, ибо мситри отлично убивали ядовитых скорпьев, на счету которых было немало жизней.

Подойдя к паутине уцук, Икьян собрала несколько вкусных пауков, бросила одного в рот и вернулась. Нежно лизнула Тьясу. Когда тот приоткрыл глаза, Икьян протянула ему паука и потихоньку накормила. Центрий улыбнулся, вновь проваливаясь в сон, а Икьян подошла к божественному подарку.

Тихо усевшись рядом, зоргия принялась рассматривать чудесный предмет. Как и все первые подруги, Икьян была неразговорчива и тиха. В отличие от горячей и болтливой Ньяки, она почти всё время проводила в пещере, ведь у зоргов самые нежные и слабые – именно они, первые подруги.

Зоргия часами грелась у костра, предаваясь печальным воспоминаниям. Сколько раз уже она становилась матерью для детей Тьясы... Сколько раз... Икьян была на целую сотню дней старше Тьясы, вдвоём они являлись самыми старыми зоргами в племени. Ньяка – напротив, была молодой и горячей. Когда пол– лета назад Господь отобрал Знак у второй подруги Тьясы, Икьян плакала. Она любила её, красивую серую Рьяц... Но Рьяц три раза подряд вернулась с плохими камнями, и Господь решил, что она перестала быть полезной. Нежную кожу Рьяц использовали для занавески в Жилище. Тьяса долго плакал, видя её. Тогда Икьян уговорила своего центрия взять новую подругу, и ею оказалась Ньяка...

Да, они дали жизнь многим детям. Ньяка, как и Рьяц, часто рожала. Но только трое подруг и один центрий остались жить: всем остальным Господь не дал Знака. И они стали дикими, а дикий зорг – это добыча. Господа, как и другие хищники, любили охотиться на зоргов. Но Господа были добры, они давали некоторым Знак...

Вздохнув, Икьян не первый раз подумала, что Крылатые, наверно, охотятся на Господ. А камни – это Знак, который разрешает Господу не бояться бога. На картинке, нарисованной Ньямой, было видно, что Крылатые даже более страшные хищники, чем дьяквы. Огромные, острые зубы, шипы на спине, хвосте и суставах крыльев, длинные рога... Но как они были прекрасны!

Старая зоргия вновь вздохнула и перевела взгляд на чёрный предмет. Неожиданно она поняла – это коробка. Икьян видела коробки в Обители и знала, что там должна быть кнопка. А вдруг внутри много вкусных– вкусных цыв?!

Невольно облизнувшись, Икьян принялась осматривать коробку в поисках кнопки. Но ничего похожего обнаружить не удалось. Опечалившись, зоргия провела пальцем по изображению Крылатого и замерла.

Это была не картинка! Палец почувствовал выпуклость! Икьян быстро придвинулась к коробке и осмотрела рисунок бога.

Так и есть. Крылатый был маленькой крышкой, которая закрывала что– то внутри. Тихо засмеявшись, зоргия поддела когтем рисунок и легко откинула его. Внутри нашлась самая настоящая кнопка.

От радости Икьян громко закричала. К ней подскочили остальные зорги, проснулся Тьяса. Икьян, сбиваясь на каждом слове, рассказала про коробки и

показала тайную крышку. Придя в восторг, племя принялось танцевать вокруг чудесного подарка.

Наконец, когда смех и крики утихли, Тьяса торжественно нажал на кнопку. С тихим жужжанием часть предмета стала вращаться, пока не описала полный оборот, после чего вся верхняя половина коробки с шипением раскрылась на шесть сегментов. И тогда зорги с воплями пали на камни, боясь поднять глаза.

Ибо в луче зелёного света, осветившего всю пещеру, они узрели бога. Тьяса, не веря себе, смотрел на маленькую копию Крылатого, которого он некогда видел сквозь щель в двери хлева.

Закричав, зорг упал на скалы, инстинктивно пытаясь зарыться в них, стать незаметным, исчезнуть. Но скалы были несокрушимы. Осознав это, Тьяса замер, скорчившись на камнях и ожидая неминуемой гибели.

Ибо все знали, что Крылатые не должны видеть зоргов! Тогда они придут в ярость, что такие ничтожества, как Тьяса, служат Им!

Вопли постепенно затихли. Всё племя лежало на холодном каменном дне пещеры, ожидая смерти с небес. Так прошло полчаса; наконец, Ньяма осмелился поднять голову и краем глаза взглянуть на бога. Тот лежал свернувшись, на мягкой оранжевой подушке; Ньяма поразился, как мал был Крылатый – меньше зорга! Может, это не бог? Просто похожий на него зверь?!

Зорг, дрожа от сознания собственной смелости, тихо прошипел имя Тьясы. Тот приподнял голову. Увидев, что Ньяма смотрит на бога, Тьяса застонал и сжался в клубок. Теперь все они мертвы! И зорги, и дьяквы, и даже добрые Господа! Все, все!

– Ньяма, закрой глаза! Может, ещё не поздно...

– Тьяса, подожди. А вдруг это не Крылатый? Ведь он так мал.

Стонущий от ужаса мозг Тьясы ухватился за мысль, как за спасательный круг. Конечно, это не Крылатый! Это просто похоже на бога... Вскочив, зорг приблизился к неведомому зверю.

Но в этот миг маленький обитатель коробки приподнял непостижимо прекрасную голову, открыл огромные золотые глаза и посмотрел на Тьясу.

Слабо вскрикнув, зорг упал без чувств.

Ибо это несомненно был бог.

Племя сгрудилось в дальнем углу пещеры, с ужасом наблюдая, как Крылатый осматривается. Малыш уже не лежал, а полусидел, сложив блестящие синие крылья на спине и медленно поворачивая сапфировую голову с золотыми рогами. Гребень вдоль спины тоже был золотым, а нижняя сторона стройного тела отливала золотисто– жёлтыми оттенками, как камни, что зорги собирали для Господ.

В неровном свете костра, это сверкающее создание действительно было чудом – и зорги пали ниц, поклоняясь своему богу, решившему навестить жалкое племя во плоти. Так прошло некоторое время.

Внезапно Крылатый издал гортанный крик. В нём слышалось недовольство; Тьяса, придя в себя, едва вновь не потерял сознание. Но тут Икьян поняла!

– Тьяса! Это маленький! Маленький Крылатый!

И сразу все стало на свои места. Конечно, это был маленький Крылатый! Боги, с неизвестной целью, прислали своего ребёнка зоргам. Но теперь племя должно сделать всё, что только возможно! Тьяса затрепетал. Он станет полезным для богов! Все они станут!

– Ньяка. Подойди к нему. – голос зорга дрожал. Все толпой стояли в углу, с благоговением разглядывая чудесного посланца.

Ньяка нерешительно приблизилась к божественному ребёнку. Осторожно протянула руку. Племя, затаив дыхание, следило, как Крылатый обнюхал зоргию и недовольно запищал. Икьян сразу догадалась, в чём дело:

– Он голоден! – бросилась к стене, схватила уца. Подбежав к чуду, Икьян упала на колени и протянула паука Крылатому. Тот недовольно обнюхал подарок.

Зашипев, Ньяка оттолкнула Икьян:

– Он не ест это! Боги едят мясо!

– Но где нам взять мясо?! – в ужасе спросил Тригья, и страх передался всем зоргам. Если ребёнок богов проголодается, Крылатые точно прилетят посмотреть, что случилось, и тогда наступит конец миру...

– Мясо... Мясо!.. – в отчаянии шептал Тьяса, оглядывая пещеру. Взгляд его остановился на пушистом зверьке, гревшемся около костра.

– Мситри! – прошептал зорг, и Ньяма бросился вперёд. Схватив зверька, он свернул ему шею и подполз к Крылатому, протягивая дар. Малыш заинтересовался. Встав на ещё неокрепшие лапки, он попытался спрыгнуть на пол, но не смог и забил хрупкими крыльями, желая покинуть божественную колыбель.

– Я... Я помогу тебе, Крылатый? – замирая от своей дерзости, спросила Икьян. Малыш что– то пропищал, требовательно посмотрев на зоргию. Тогда она протянула руки и коснулась бога.

От неожиданности у Икьян закружилась голова. Крылатый был тёплым, мягкий и такой приятный, что зоргия зажмурилась. Но требовательный голос чуда заставил её напрячь все силы и осторожно вытащить Крылатого из колыбели богов.

Племя ахнуло. Икьян, забыв про дыхание, бережно поставила бога на пол, а сама упала рядом в глубоком обмороке. К ней подбежала Ньяка.

Тем временем божественный ребёнок протопал к Ньяме и ухватил тушку острыми белыми зубками. Племя с восторгом смотрело, как Крылатый ест, аккуратно отрывая ломтики мяса с помощью острых, как ножи, когтей.

Тьяса, до сих пор не веря, опустился на пол и подполз к Крылатому. А тот, доев мситри, облизнулся, осмотрел пещеру, завидел костёр и, что– то радостно пропищав, потопал прямо в огонь!

Тьяса взвизгнул от ужаса. Раньше, чем зорг понял, что делает, он поднял маленького бога и отнёс подальше от костра. Все отшатнулись. Но малыш, несколько не обидевшись, покрутился на месте, зевнул, показав великолепные зубы, и залез на безвольно упавшего рядом Тьясу, собираясь поспать. Зорг замер, боясь шевельнуться.

Потихоньку всё племя собралось в кучу вокруг Тьясы. Рассевшись на полу, зорги принялись шёпотом обсуждать чудо. Тьяса неподвижно лежал, а Ньяка осторожно перетасила костёр поближе. Через час все сидели возле огня, грелись и с восхищением смотрели на Крылатого.

Тьяса тоже немного пришёл в себя. Вместе с остальными он недоверчиво рассматривал бога. Малыш явно был живым и настоящим. Чешуя Крылатого немного напоминала кожу зоргов, но была блестящей и значительно более гладкой. Прямые

золотистые рога достигали длины в два пальца Тьясы, маленькие уши напоминали перепончатые крылья, но были чуть темнее. А крылья... Малыш лежал, распустив одно, и племя могло хорошо рассмотреть его строение.

Крыло росло из плечевого сустава; мощные мышцы свидетельствовали, что перед зоргами спал житель неба, а не земли. Необычайно гармоничное сложение и пропорции Крылатого приводили всех в восхищение. Длинные пальцы крыла превосходили по длине руку зорга, и были обтянуты тонкой сверкающей перепонкой с едва заметным рисунком чешуи. Пальцев было четыре, на конце каждого торчал длинный и острый коготь, сверкающий всеми оттенками золота. Пятый палец, короткий, рос от кисти крыла вперёд, загибаясь хищным когтем. Этот коготь, тоже золотой, был самым длинным у Крылатого.

Ньяка, осмелев, провела рукой вдоль крыла малыша, едва касаясь перепонки. Она ощутила, сколь плотно расположены мышцы вдоль костей. Крылатый крепко спал, и Икьян осмелилась приподнять крыло, желая узнать, бог перед ними, или одна из подруг бога. Но понять ничего не удалось; меж мощных и мускулистых ног малыша имелась лишь тонкая щель. Осторожно опустив крыло, Икьян задумалась.

В этот миг Крылатый сладко зевнул. Скрутившись в клубок на груди у Тьясы, он положив голову на хвост, сцепив крылья на спине с помощью пятого когтя, что– то сонно пропищал и заснул крепче прежнего. Все переглянулись.

– Как он прекрасен... – прошептала Икьян. Зорги, словно по команде, разом кивнули.

– Тьяса, что с ним делать? – тихо спросил Ньяма, обращаясь к старому зоргу как к вождю.

– Я не знаю... – Тьяса беспомощно моргнул. – Боги прислали нам это чудесное дитя с какой– то целью. Может, они хотят, чтобы мы вырастили его, научив всем нашим песням?

– Но что можем мы дать Крылатому?! – с недоумением спросил Укья, второй по возрасту зорг в племени.

– Боги решили, что можем, – твёрдо сказал Тьяса. – И я не собираюсь их подводить.

Все переглянулись: решение было принято. Зорги не могли упустить такой

шанс. Сам Крылатый станет жить с ними! Невероятно!

Но тут послышался мрачный голос Дарьяки:

– А если Господь не разрешит? Если он увидит Крылатого и рассердится?

Зорги сжались от ужаса. Конечно, Господь не разрешит! Он отнимет подарок богов и накажет их. Многие лишатся Знака... А если Господь узнает, что Крылатый их видел?!

Подумав об этом, Тьяса тихо завыл. И тут ему в голову пришла совершенно невероятная мысль. От удивления зорг открыл рот, высунул язык, и так сидел несколько минут. Племя напряжённо ждало.

Наконец, справившись с собой, Тьяса посмотрел на друзей и подруг.

– А... а... А если не говорить Господу?

От изумления все отшатнулись. Но идея уже проникла в их головы, и отныне ей предстояло развиваться, неся несчастному племени новую надежду в неравной борьбе с природой и её повелителями.

Они дрожали над своим сокровищем. Колыбель богов спрятали в самом дальнем углу пещеры, а из божественной ткани устроили для Крылатого кроватку. Малыш сразу принял её, и часами только и делал, что спал да ел. А племя не могло нарадоваться на своего бога. Вечером второго дня, когда Крылатый сладко спал, положив голову на колени Икьян, та сказала странную вещь:

– Надо дать ему имя, разве нет?

Зорги изумлённо переглянулись. Но никто не нашёл возражений. И племя с жаром принялось обсуждать варианты.

– Мы должны назвать его Мсандра! – говорил старый Укья – Он как раз такой – красивый, и синий.

– Нет, надо назвать его Драскай! – возразил Ньяма. – Небесный, и синий.

– Тогда лучше навать его просто Дракон – заметил Дарьяка. – Синий, и всё.

– Это глупо! – возмутился Тьяса. – Крылатые бывают не только синие! Я видел зелёного!

И тогда тихо заговорила Икьян.

– Они прилетают, и приносят ветер... Они прилетают, когда ветер уходит... Они летают с ветром. Надо дать ему имя Ветер.

Все замолчали, слушая вой вечного Северного Ветра, гнавшего по пурпурному небу тёмно– красные тучи. И в час тот зорги ощутили, что чудесный малыш ворвался в их тихую жизнь, подобно вихрю, и они навсегда изменились, коснувшись своего бога. Тьяса с нежностью посмотрел на ребёнка:

– Тебя назовут Ветер, о Крылатый. Ты не против?

Малыш зевнул, поудобнее устроившись на коленях Икьян. Зоргия подняла глаза на друзей, и все увидели, что она плачет.

– Нет, он не против... – прошептала Икьян, нежно глядя сверкающее крыло.

На следующее утро прилетел Божественный Летающий Дом с Господами. Они были сильно взволнованы и даже не обратили внимание на зоргов, когда те принесли мешки с камнями. Рассеяно забросив урожай в машину, старший Господь посмотрел на дрожащего от ужаса Тьясу и грозно произнёс:

– Три дня назад, далеко– далеко отсюда, вон в том направлении, упала звезда. Если кто–нибудь из вас хоть шагнёт в ту сторону, я отниму Знаки у всего племени. Понятно?

Тьяса упал на землю от страха, не в силах ответить. Но Господь, похоже, и не ждал ответа. Он толкнул второго и они сели в Божественный Летающий Дом, что– то оживлённо обсуждая. Чуткие уши Тьясы невольно уловили многое, и хотя зорг ничего не понял, он запомнил все слова.

– ...перерыли степь на сотни миль вокруг кратера. Покушение готовил кто– то очень могущественный. Ты подумай только! Напасть на корабль, где летела семья Императора!

– Святая Мария, только бы виновника нашли не здесь... Тогда Император просто сотрёт из Вселенной эту планету...

– Не волнуйся. Спасатели пришли к выводу, что нападавшие сумели захватить обоих детей. Врагов было слишком много, целый флот. Императрица не могла одновременно уничтожить их корабли и защитить свой, поэтому она сбросила принца в стазис– капсуле и пустилась в бегство, желая отвлечь внимание от планеты. Не вышло...

– Она погибла?!

– Нет, что ты. Она ведь Диктатор, хоть и не из самых сильных... Но принцессу

уберечь не смогли. Её захватили нападавшие.

– Интересно, зачем им понадобился этот чешуйчатый младенец? Принцессе ведь и трёх месяцев не исполнилось. А шантажировать Императора может только полный псих...

– Да не младенец им нужен был, а принц Каэл. Ему – то уже третий год пошёл. Драконёнок с самого рождения необычным был, а месяц назад, на закрытой планете Валгалла, где Императрица после рождения принцессы отдыхала, он такое устроил... В общем, сейчас все полагают, что принцу отцовская Сила передалась. Видел бы ты, что творилось в Конфедерации после этой новости!

– А ты – то где видел?

– По визору. Личная стая Императора всю планету оцепила, два линкора подогнали, чтобы, значит, Императрица с детьми в безопасности до столицы добралась. Никто ж и подумать не мог, что их действительно ОСМЕЛЯТСЯ атаковать, да ещё и такими силами, что отборные имперские спецотряды не справятся... Иначе Скай сам бы семью забрал, никому не доверил.

– Да... Представляю себе его состояние сейчас.

– Именно. Заработался в другом конце Галактики и такого врага под носом прохлопал. Как подумаю о Скае, так дрожать начинаю. Я когда его увидел...

– Ты видел Императора?!

– Меньше надо на ферме сидеть, Родригес. Позавчера Скай прилетел сюда и лично осмотрел место крушения. В кратере не было стазис– капсулы, и он согласился, что нападавшие похитили его сына. Меня до сих пор трясёт, как вспоминаю его глаза. Без корабля улетел, знаешь – превратился в луч света и исчез.

– Страшный он дракон...

– Не говори.

– А ты слышал, что он устроил на Слэйере? Вернее, там, где раньше была эта планета?

– Слышал, конечно. Я слежу за событиями в Империи.

– Да уж... А мы тут с этими вонючими ящерицами сидим! – младший Господь сплюнул, и Божественный Летающий Дом рванулся в небо, оставив зоргов дрожать на ветру и провожать его тоскливыми взглядами.

– О, Крылатые, спасибо, вы дали нам сил исполнить вашу волю! – прошептал Тьяса. Повернувшись, он тяжело побрёл к пещерам, следом шагали друзья. В душах зоргов царило ликование.

Они трепетали от мысли, что дома их ждёт бог.

5

Долгая осень приближалась к концу. День ото дня становилось всё холоднее и холоднее, часто шли ледяные дожди. Северный ветер непрерывно усиливался.

Каждые полторы сотни дней Господа прилетали за камнями. Эта осень выдалась удачной – Знаков лишились только два зорга, раненные страшными дьяквами и переставшие быть полезными. С тех пор, как боги прислали чудесного ребёнка, миновало более двух тысяч дней, или семь непонятных господских "лет".

Усталый Тьяса сидел у костра и гладил Ветра. Крылатый вырос, он уже хорошо говорил и часто пел песни вместе с зоргами. Тысячу дней назад он научился летать. Всё племя со слезами гордости следило, как их бог завоевывает небо.

Первое время Ветер смутно вспоминал своих родителей, но эта память растворилась в вихре новых ощущений, открытий и рассказов старика– зорга. Тьяса больше не ходил за камнями – много дней назад он упал, и с тех пор его левая нога не сгибалась. Друзья выделяли каждый понемногу камней, и Господа думали, что Тьяса ещё полезен. Этому зорги тоже научились недавно.

"Я стар" – думал Тьяса. – "Я очень, очень стар..."

Но он продолжал цепляться за жизнь всеми силами, хотя их почти не осталось. Икьян тоже более не выходила из пещеры.

Молодая Ньяка дважды рожала другой паре, поскольку Тьяса уже не смог выйти из Периода, а Икьян потеряла интерес ещё раньше. Старик прекрасно понимал, что умрёт от силы дней через триста. Но странное дело – Тьяса почти перестал страшиться смерти. Ветер ворвался в его душу, принеся холод, взвихрив застоявшийся воздух.

Никогда ещё Тьяса не задумывался, правильно ли устроена жизнь. Лишь сейчас, покидая её, он понял что жизнь – это кошмар. В этот кошмар освежающим ветром ворвался Крылатый, он принёс с собою странное чувство, незнакомое зоргам ранее. Тьяса давно забыл слово, обозначающее "свободу", но смутно понимал, что с ним происходит нечто удивительное.

Кутаясь в подарок богов, старый зорг целыми днями сидел у входа в пещеру и смотрел, как по небу бегут пурпурные тучи. Он научился поддерживать костёр, и это давало ему смысл в жизни – ведь он был полезен племени.

"Куда они летят?" – думал Тьяса, нежно поглаживая спящего бога. Тучи молчали.

"Что там, куда они летят? Может, там лучше? Может, там нет ветра, холода, дьяквов... Может, там нет Господ?"

– Тьясса... – тихий голос сына заставил старика повернуть голову. Красивый, стройный серо–голубой центрий подбежал к нему.

– Отец... Ты не голоден?

– Мне хорошо, сынок. Мне очень хорошо, – улыбнулся зорг. Он с болью подумал, что его сын так красив... Так красив, что Господь нипочём не даст ему Знак. Господа забьют его сына на кожу. От боли и тоски Тьяса заплакал без слёз. Их не осталось; он был слишком стар.

– Почему ты плачешь, Тьяса? – звонкий голос Ветра заставил старика опустить взгляд.

– О, Крылатый, не беспокойся обо мне. Я просто думаю.

– Но ты же плачешь, Тьяса – настаивал бог.

– Да, Ветер, я плачу.

– Почему?

– Потому что мне жаль моего сына, Крылатый.

Бог обратил золотые глаза к молоденькому зоргу и непонимающе спросил:

– Но ведь с ним всё в порядке?

– Да, Крылатый. С ним всё в порядке.

– Не понимаю... – жалобно сказал Ветер.

Тьяса опустил внешние веки и долго молчал.

– Ты ещё мал, о Ветер. Ты вырастешь и вернёшься к богам. Они будут тебя ласкать, будут любить... Как любили мы. Но боги никогда не спрашивают других, что им делать. А мы не боги, Ветер. Мы только жалкие зорги. Нас никто не спрашивает.

– Всё равно не понимаю! – упрямо заявил Ветер.

– Ну как тебе объяснить, Крылатый... – Тьяса вздохнул. – Есть мы, зорги. Есть вы, боги. И ещё есть Господа. Они выше нас, но ниже вас. Вы не спрашиваете никого. Они не спрашивают нас. Мы спрашиваем всех.

– Ну и что?

– Мой сын очень красивый зорг. У него прекрасная, нежная кожа. Господа любят такую кожу. Они убьют моего сына, снимут с него кожу и возьмут себе. Поэтому я и плачу.

Ветер подскочил от неожиданности. Его широкие крылья распахнулись, зеркальная перепонка блеснула в кровавом свете туч. Бог был уже заметно больше любого зорга, и Тьяса тихо засмеялся от радости, что видит такое чудо.

– Как это? – недоверчиво спросил Ветер. – Я не понимаю. Они что, на вас охотятся? Как я на мситри?!

Тьяса кивнул.

– Да, Крылатый. Господа тоже хищники, как и ты. Но для них добыча – это мы. А твою добычу я не знаю. Ты ещё мал.

– Но почему?! – Ветер отпрянул. – Вы ведь добрые, ласковые... Говорите, песни поёте! Вы не мситри! Вы зорги!

– А разве у мситри не может быть своего языка, своих песен? – тихо спросил старик, и Крылатый ошеломлённо умолк. Зорг продолжал:

– Так устроена жизнь, Крылатый. Такой её создали вы, боги. Есть те, кто ест – и те, кого едят. Те, кто ест – всегда сильные, красивые, умные. Они вызывают восторг. Те, кого едят – не всегда. Но дело не в этом, Ветер. Ты стоишь на самой вершине скалы. Ты ешь всех, кого захочешь. Тебя не ест никто. На одну ступеньку ниже стоят Господа. Их можешь съесть только ты, а они могут – всех, кроме тебя. Почти совсем внизу стоим мы. Нас едят все, кто выше, а мы едим только пауков и червей. Ниже нас стоят мситри, ибо их можем съесть даже мы. Скала простирается до бесконечности вниз, но вершина одна. И там стоишь ты, Крылатый, и ловишь своими крыльями

ветры со всего мира. Ты – вершина скалы. Мы – основание. Теперь понимаешь? – Тьяса улыбнулся при виде ошеломлённого бога.

Ветер надолго замолчал. Зорг видел, как в его ещё детском разуме кипит огромная работа по осмыслению странных слов. Наконец, Крылатый посмотрел в глаза своему учителю, и несмело спросил:

– Так... Так значит, и я могу охотиться на вас?

– Можешь, – кивнул Тьяса. – Ты можешь охотиться на всех, Ветер. Но ты стоишь на вершине. У тебя самый большой выбор среди нас. Ты сам можешь избирать, на кого охотиться. И поэтому ты... – зорг замялся, подыскивая слово. – Я почти забыл... Ты свободен, Ветер.

– Что значит "свободен"? – спросил бог после долгой паузы.

– Это значит, что ты никого не должен спрашивать, что делать.

– Но ведь я спрашиваю тебя, Тьяса?

– Да, но ведь ты можешь и не спросить. Ты сам выбираешь, спросить или нет. Это и значит, что ты свободен.

Глубоко задумавшись, Крылатый положил голову на колени старого Тьясы. Тот нежно коснулся своего бога.

– Ты свободен, Ветер... Ты свободен. И поэтому ты – бог. Запомни это, Крылатый. Не давай никому отобрать у себя свободу...

6

Они пришли ночью. Свет залил вход в пещеру, и громовой голос с неба произнёс:

– Зорги, на выход!

Тьяса вскочил, в ужасе озираясь. Залитая мертвенным светом площадка у входа подрагивала от гула мощных моторов, запах Господ и лязг окованных железом сапог ледянили кровь. Рядом вскочили Ньяка и Икьян, открыл сонные глаза Ветер. Зорги жались в кучу, дрожали и выли от ужаса. В разуме Тьясы взорвался чёрный

шар.

"Они узнали!!! Они узнали!!! Нет, нет, нет, нет..."

– Ветер, быстро! Спрячься в эту щель! – зорг упал на колени перед богом, и умоляюще протянул к нему руки. – Молю тебя, Крылатый, послушай старого Тьясу!

– Но почему? – недоумённо спросил малыш. – Ты же говорил...

– Да, да, я говорил... – Тьяса в отчаянии зажмурился. – Но они не знают, что ты бог! Они подумают, ты неправильный зорг... Такие иногда рождаются... Они убьют тебя! А потом придёт конец всему миру! Спаси нас, Ветер!

– Но... но... – Крылатый растерянно смотрел на ползающих в ужасе зоргов. Наконец, под умоляющим взглядом Тьясы, он нерешительно кивнул и забрался в узкую трещину. Старик подполз к нему, волоча парализованную ногу, и принялся лихорадочно навешивать сверху паутину. При этом он шептал:

– Запомни, Ветер, если я не вернусь... А я не вернусь... Найди молодого Ньяму, он станет твоим новым жрецом! Скажи ему, старый Тьяса молил о помощи... И помни мои слова, Крылатый! Не дай отобрать свободу... Прощай, – зорг запнулся, но всё же нашёл в себе сил добавить: – Сынок...

– Тьяса? – Ветер широко раскрыл глаза. – Почему ты не вернёшься?! Стой, Тьяса!

– Жди, жди меня, малыш... – бормотал старик, ползя к выходу. Подбежала Икьян, он с трудом встал и, опёршись на её костлявое плечо, заковылял навстречу смерти, морщась от боли в ноге.

Их построили в шеренгу, и под вой ледяного ветра бичи сняли свою жатву боли. Тьяса стоял, изо всех сил стараясь держаться прямо. В его голове билась мысль:

"А вдруг?.. А вдруг не заметят?.. Вдруг они не убьют Ветра?!"

Но он прекрасно знал, сколь смешна надежда. Пришла ежесезонная Облава, когда Господа проводили отстрел старых и больных зоргов, а также заготавливали шкурки наиболее ценных молодых. Тьяса не знал, конечно, что дамские сумки из кожи зорга стоили бешенных денег на многих планетах, а в метрополии за такую можно было купить машину...

"Только бы они не пошли в пещеру! Только не надо проверять!" – молил старик, более не призывая Крылатых. Он не смел делать этого, боясь, что его мольбу

услышит Ветер и прибежит на помощь.

– Встать! Встать ровно, говорят! – Господь шёл вдоль трясущегося ряда зоргов, сжимая одной рукой Свет Божий, а второй – бич. Раздвоенный конец бича был соткан из нежнейших органических жил, и никакой удар не мог попортить ценный товар. Но боль мгновенно убивала зорга, ведь они были весьма хрупкими созданиями.

– Родригес! Все здесь?

– Да, Идальго.

– Что за мерзость! – Господь с презрением осмотрел дрожащих зоргов. Взгляд его остановился на сыне Тьясы и немного оживился:

– Неплохо... Хуан! Вот этот.

Молодой центрий в ужасе упал на колени, но страшный удар моментально оборвал его жизнь, и Господь забросил зорга в Божественный Летающий Дом. Тьяса застонал. Сынок... Слёз у него уже не было.

Икьян дрожала. Тьяса сжал её плечо. Скоро придёт и их очередь, скоро...

Господа шли вдоль ряда трясущихся зоргов, и время от времени раздавался страшный голос:

– Вот этот!

Так они прошли дважды, и Божественный Летающий Дом принял урожай. Теперь вперёд вышел другой Господь, низенький и толстый. Он медленно шёл вдоль племени, приглядываясь к зоргам и ничего не говоря. Но от взгляда Избирающего Жертвы Тьясе стало хуже, чем когда он увидел смерть сына.

"Боги, сделайте так, чтобы они не нашли Крылатого!" – в страшной тоске взмолился Тьяса, дрожа от боли и трепеща от ужаса. Нет, нет, нет, нет...

– Вот этот.

Удар бича вырвал последний вздох из груди старика, и Тьяса познал свободу. Икьян со стоном упала на своего мужа, и второй удар соединил их там, где никто более не сможет разделять.

Избирающий выбрал ещё старого Укью, и двух его подруг. Также Господа освободили молодого Итмуку, сломавшего руку при падении со скалы. Трупы зоргов стащили в кучу, и Свет Божий дал им наконец возможность летать. Дым от тел Тьясы

и Икьян поднялся к хмурому небу, и был унесён вечным Ветром на юг, подарив старику шанс узнать, куда летят тучи.

***

– Всё на сегодня, Родригес?

– Господи Иисусе, какая мерзость эти зорги...

– Да уж. Но неплохой бизнес. Ещё пару лет, и я скоплю на домик в метрополии.

– Хуан, не заливай. Дом на Земле стоит полсотни тысяч.

– О, у меня есть друг... Пилот... Он согласился толкнуть на Даркане пару сумок...

Родригес недоверчиво посмотрел на Хуана.

– Кончай, а? Там война! Корабли туда не летают.

Хуан фыркнул:

– А я говорил, что он человек?

Родригес замер:

– Ты что... Ты имеешь в виду?!

– Именно. И помалкивай, парень. Они платят отличные деньги. Огромные деньги.

– Но, Хуан! Ты же понимаешь, что Империя победит!

– Это ещё вопрос, амиго. Это ещё вопрос...

К звероводам подошёл сеньор Идальго И Санчес, владелец плантации.

– Кончайте болтать, лучше помогите грузить товар. Тут холодно, как у дьявола в заднице...

Родригес истово перекрестился:

– Босс, не богохульствуй.

Идальго кивнул.

– Прости, амиго, я просто немного не в себе. Надоело мне это дерь... плохое место.

Расхохотавшись, все трое сели в машину. Идальго помог подняться сеньору Педро Граччи, ветеринару плантации. Тот озадаченно качал головой.

– Как я мог упустить того зорга в прошлый раз? Он был такой старый, что определённо не мог собирать самородки уже года два.

– Они живучие, эти ящерицы... – сплюнул Идальго, и рванул флаер в небо. Грузовая машина шла следом.

7

Плачущий Няма вернулся в пещеру и повалился на холодные камни. Медленно подходили остатки племени, рассаживались вокруг погасшего костра. Все молчали, хотя большинство зоргов тихо плакали.

– Он... всегда поддерживал костёр... – голос Дарьяки был пуст, как пещера без Тьясы.

– Он стал сво– бо– ден, – тихо сказала Няка, прижимаясь к своему новому центру, Яякве.

– Что значит "свободен"? – спросил Няма, подняв голову. Зорг дрожал, но впервые в жизни он чувствовал не страх. Нет, в глубине души Нямы поднималось новое чувство, совершенно незнакомое зоргам ранее. Он не знал, как называется это чувство. Но оно было очень подходящим.

– Я не знаю... – Ньяка заплакала. – Тьяса говорил с богом, я слушала...

Зорги замерли:

– Крылатый!

..Его нашли в трещине. Молодой бог пытался вылезти, но запутался в клейкой паутине и висел там, словно муха. Завыв от ужаса, Ньяма росился освобождать Крылатого. Скоро малыш лежал возле огня и тяжело дышал, глядя в пламя.

– Я не мог вылезти! – в голосе бога звучали недоумение и гнев. – Я звал Тьясу, а он не шёл!

Ньяма опустил внешние веки.

– Ничего, Крылатый... Ничего. Теперь ты снова с нами. А значит, ещё есть надежда...

Странные слова сами вырвались у Ньямы, он не знал, откуда к нему пришла эта фраза.

– Ньяма, где Тьяса? – тихо спросил Ветер, озираясь на поредевшие ряды зоргов.

– Его больше нет, Крылатый, – ответил Дарьяка, мрачно глядя в костёр.

– Как нет?.. Как это?! Что значит – нет?!

– Он мёртв, – слова ворвались в холодную пещеру порывом северного ветра, заставили зоргов прижаться друг к другу в тщетной надежде обрести тепло.

– Но... Но... – Ветер попятился. – Но он совсем недавно говорил со мной! И где Икьян? Где их сын?!

– Вместе с отцом, – ветер крепчал, предупреждая о приходе зимы длиною в жизнь.

Ошеломлённый Крылатый смотрел на зоргов, невольно хлеща себя хвостом.

– Я не понимаю... – взмолился он. – Объясните! Кто–нибудь, позовите Тьясу!

От боли Ньяма схватился за голову, и грудь его исторгла непонятный звук – то ли плач, то ли стон... То ли рычание.

– Ветер, пойми – Тьясы больше нет. Он умер, как... как мситри. На него поохотились большие хищники, как ты охотишься на мситри, – от несправедливости этих слов Ньяма качался, не в силах поднять внешние веки. Он боялся. Боялся взглянуть в глаза бога.

– Умер? – Ветер опустился на пол, и потрясённо повторил:

– Умер... – голос бога странно задрожал, и Ньяма медленно поднял взгляд, не осмеливаясь поверить. Боги не плачут.

– Он умер? Умер?! УМЕР?!!! – глаза Ветра начали медленно сужаться.

– КАК?!! – впервые в жизни голос Крылатого стал таким, каким должен был быть по праву рождения. Зорги скорчились от страха, глядя на словно выросшего в мгновение ока бога, который стоял в свете пламени, хлеща себя хвостом.

И смотрел на них... Глаза Ветра превратились в две пылающие рубиновые звезды. Зрачки стали тонкими вертикальными щёлками, сквозь них наружу рвался сокрушающий огонь, от которого некогда спасался Тьяса, и который всё же настиг его ученика. На руках и ногах Крылатого выдвинулись золотые когти, Ветер сжался, внезапно превратившись из ребёнка в смертоносную пружину, по виткам которой плясали огненные молнии ярости. Ярости!

И Ньяма понял, что за чувство родилось в нём этой ночью. Он понял это, посмотрев в глаза бога.

– Тьясу убили наши хозяева, – в голосе Ньямы более не было тоски, и зорги со страхом обернулись к нему.

– Он... Он говорил мне, что не вернётся! А я не понял! Не понял!!! – крик Ветра завершился таким рычанием, что зорги завывали и сбились в кучу, трепеща от вида разъярённого бога.

– Он знал, что идёт на смерть. Он сделал это ради всех нас, Ветер. Тьяса умер, потому что знал – останься он в пещере, и Господа нашли бы тебя, – голос Ньямы дрожал. Зорг ничего не понимал. Никто из его племени никогда не ощущал ничего подобного. Слова "гнев", "ярость" – были заимствованы из языка Господ. Зорги, не знавшие вкуса крови и азарта охоты на добычу, просто не имели этих понятий.

Но Ветер имел их в крови. Кровь богов бурлила в его жилах, наполняя сердца ненавистью – это слово зорги не знали совсем.

– Кто убил его, Ньяма? – от спокойствия, с которым был задан вопрос, у всего племени остановилась кровь в жилах. Бог неподвижно стоял в пламени костра, но пещера словно светилась красным светом от жара его глаз.

– Люди, – не менее спокойно ответил Ньяма, калеча своими словами Историю,

и вонзая в её израненное тело гарпун, призванный навсегда там остаться.

– Я убью их всех, – ответил Ветер, и История в агонии свернулась кольцом, заливая будущее кровью и стремительно забывая отмирающее прошлое.

– Нет. МЫ убьём их всех, – уточнил Ньяма, добывая издыхающую змею Времени ударом в висок.

– Да будет так, – Под смертный вопль агонизирующей Истории взгляды бога и вождя встретились, и было в них – одно.

Смерть.

И в этот миг племя поняло, почему Крылатые были богами. Зорги боготворили их, молились им, да – но не понимали, почему. Теперь поняли.

Понял и Ньяма. Молодой зорг стоял в отблесках пламени, его тень плясала на своде пещеры, словно исполняя некий танец смерти, словно готовясь... К чему? Ньяма не знал. Он не отдавал себе отчёта, что стал настоящим вождём. В этот миг Ньяма ощутил, как на нём скрестились все надежды умирающего племени, и новые чувства бушевали в груди зорга, заставляя его сердца биться удар в удар, разогревая кровь, наполняя жизнь страшным, жутким смыслом.

Некогда, миллионы миллионов дней назад, в другом мире, другие живые существа стояли вот так, вокруг костра, и вздымали руки к небу, крича в бешеной ярости хищника, жаждущего крови. Ньяма не знал, что ступил на тропу войны. Он даже не знал этого слова. Но если бы некто мог сравнить молодого вождя– зорга и воина того, канувшего во тьму веков племени – он был бы поражён. Ибо Ньяма познал ярость, став хищником. Он присоединился к миллионам тех, кто жил за счёт смерти других, и хотя сам Ньяма этого пока не признавал, его душа навсегда изменилась. Он был в ярости. Первый зорг на мрачной планете Мортар за миллионы Циклов.

Напротив Ньямы стоял тот, кто испокон веков жил, убивая других. Напротив Ньямы стоял самый совершенный хищник во Вселенной – дракон. Его бог. Его идеал. То, к чему стремились зорги...

То, что осознал перед смертью Тьяса – и от чего отказался. И умер, защищая идеал от превращения в реальность, спасая бога от превращения в убийцу. Тьяса не понимал, да и не смог бы понять, что именно его смерть возродила Кровь Дракона в

Ветре, ибо Крылатый не был Драконом, пока жил со стариком– учителем... Дракон спал, и молодой бог мог стать первым в истории хищником, не жаждущим крови жертв, а просто питающим своё тело их плотью.

Но были другие. Был тот, кто превзошёл даже хищников в своей кровожадности – и поднялся на ступень выше. Тьяса был неправ, говоря, что на вершине Скалы Жизни стоял Крылатый. Нет, Крылатый был лишь наиболее совершенным хищником. Не более.

На вершине стоял Человек. Он был единственным, кто мог убить просто так, не желая плоти своей жертвы, не желая обратить смерть одного во благо других. То был уже не хищник. То была высшая ступень смерти – Убийца. Тот, кто убивает для достижения цели, не имеющей отношения к жизни других. Тот, кто может убить вообще не имея цели – посчитав, что мёртвое существо ему нравится больше живого. Наконец, тот, кто убивает из развлечения, доставляя себе радость смертью других. Человек стоял на Вершине Скалы, сжимая меч, и смеялся в лицо Солнцу, которое не могло отвернуться, ибо даже Солнце не всесильно.

Той ночью в жалкой, промёрзшей пещере, в душе Ветра, сына Диктатора Ская, проснулся тот же демон, что пожрал и его отца, и Человека. И взревел пробудившийся Дракон, вонзив когти в нежное тело сотканной Тьясой личности Крылатого, разорвав её на части и НАСЛАДИВШИСЬ этой смертью. Открыв пылающие глаза, Дракон поднял голову и увидел на Вершине Скалы Человека. И в миг тот, хищник с воем испустил дух, упав к ногам Убийцы, который расхохотался, столкнув его тело в пропасть.

В этот миг Дракон стал Человеком – и превзошёл его во всём. Ибо он был – Дракон. И взлетел Дракон на Вершину Скалы, где смеялся Человек, и посмотрел ему в лицо. И под взглядом Дракона остановился Человек, познав сначала неуверенность, потом страх, потом ужас – а потом СЕБЯ. И убил Дракон Человека, и РАССМЕЯЛСЯ, столкнув тело бывшего Повелителя Вселенной в пропасть, к Основанию, куда не могло достать Солнце, ибо дул Вечный Ветер, гоня по небу кровавые тучи, обтекавшие Скалу и красившие её в цвет жидкости, несущей жизнь всегда – и в жилах жертвы, и в пасти хищника.

Но не на мече Убийцы! И Дракон, гордо оглядев СВОЙ мир, поднял

окровавленный меч Повелителя Вселенной к безразличному небу и испустил вопль победы. Вопль Смерти, забравшей ещё одну Жизнь просто так.

И получил он наслаждение от ЭТОГО.

И увидел он, что ЭТО – хорошо.

И стало так.

Конец первой части

Часть вторая:

Редкая цель...

КРУТИЗНА ДОРОГ ВЕДЁТ К ВЕРШИНАМ ГОР.
НО ГОРАЗДО КРУЧЕ ПРОПАСТИ ОБРЫВ.

П. АМНУЭЛЬ.

– ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА?
– ОЧЕНЬ РЕДКАЯ ЦЕЛЬ.

ВИНГ.

– ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА?
– ДА.

СКАЙ ФАЛЬКОРР

. Ледяной ветер, дувший без перерыва уже восемь лет, превратился в метель и быстро залепил мокрым снегом все окна с северной стороны гасиенды. До наступления зимы осталось меньше полугода.

Когда в дверь постучали, Хуан Хосе Мигель де Лавьяда, ведущий специалист плантации Идальго Санчеса, занимался своим любимым делом: играл на карманном компьютере. Визит застал его в самый напряжённый момент и, открывая дверь, Хуан был готов высказать гостью всё, что о нём думает. К сожалению, гостем оказался владелец плантации.

– Хуан, ты Родригеса не видел? – спросил он, не успев даже переступить порог. Хуан с трудом проглотил резкий ответ и покачал головой.

– Нет, босс. А что случилось?

– Вчера утром он отправился за самородками и до сих пор не вернулся.

Хуан приподнял брови.

– Какое сейчас время собирать урожай? Ящерицы давно залегли в спячку на девять лет...

– В том– то и дело, – Идальго прошёл в комнату и уселся на кровать. – Я тоже думал, что зорги спят. Но Родригес, возвращаясь с космодрома, клялся что навигатор отметил инфракрасное излучение из их пещеры. Ну я и послал его обратно, собрать последний урожай в сезоне.

Тяжело вздохнув, Хуан умоляюще посмотрел на Идальго.

– Босс, ну что с ним может случиться на этой планете? Должно быть, завернул в космопорт, к девочкам...

– ...или налетел на скалу во время метели, – возразил плантатор. – Лети и найди его.

Хуан угрюмо поклонился.

– Мучо грасия, шеф. Я только что завершил новый уровень.

– Иди, иди, а то я сломаю твою бессмысленную игрушку.

– О нет, Господин! Только не это! – в ужасе вскричал Хуан. Задрожав всем

телом, он упал на колени и в мольбе протянул руки к Идальго. Тот рассмеялся:

– Нет, не похож. В тебе слишком мало от ящерицы.

– Ещё бы... – хмурый Хуан вышел из комнаты. В прихожей натянул комбинезон с подогревом, шлем и окованные железом сапоги, совершенно автоматически сунул за пояс пистолет. Вздохнув и последний раз поглядев на себя в зеркало, Хуан открыл толстую термоизоляционную дверь.

Ветер набросился на него голодным зверем. Прикрыв глаза от позёмки, Хуан быстро перебежал двор и повернул ржавый рычаг у гаража. Обледеневшие створки с громким хрустом разъехались к стенам.

Несколько секунд Хуан любовался своей великолепной машиной. "Альфа-Ромео VZ194", тюнинговая, поставляемая только под заказ и привезённая сюда с самой метрополии. Доставка села Хуану вдвое дороже машины, но, проклятие, это того стоило! По всей планете про этот флаер ходили легенды. Никто не мог понять, почему человек, способный купить машину за полмиллиона, сидел на задрюпанной холодной планете, с периодом оборота в сорок лет, с тридцатью часовыми сутками, где двадцать лет подряд дули ледяные ветры... Ну, допустим, он мог любить холода и марсианские пейзажи. Так этот человек выбрал самую грязную работу на планете – звероферму! Люди только качали головами.

А Хуан по ночам просыпался в холодном поту, вспоминая того, кто дал ему деньги, потребовав взамен... нет, не душу. Только повиновение. Дураком, трижды дураком он был, когда соглашался... Мог бы и прикинуть шансы.

Впрочем, тогда, двенадцать лет назад, Империя Ская вовсе не казалась такой уж непобедимой. Память о жуткой войне с обитателями центра Галактики, победить которых удалось лишь объединёнными усилиями всех Диктаторов, давно выветрилась из памяти народа. А Император, со своим кредо "Ударят по щеке – бей в ответ мечом!", был тут как тут, готовый стать объектом всеобщей ненависти.

И он стал им. Ская ненавидели на всех планетах, даже на его родной Дракии. Различные политики постоянно требовали независимости своих миров, на Диктаторов раз за разом совершались покушения. Скай лишь недавно рассекретил информацию, что Диктатора невозможно убить; в то время этого не знали. А Император, естественно, не спешил развеивать заблуждения своих подданных – после

каждого покушения он ловил десятки, а то и сотни террористов, которые навсегда исчезали в недрах жуткой космостанции "Клыки демократии", где Скай устроил резиденцию...

Диктатора не одолеть никому. Кроме другого Диктатора. Поэтому лишь двое в Галактике были способны бросить Скаю открытый вызов, и восемь лет назад, похитив детей Императора, они это сделали.

Но похищение сработало совершенно отлично от того, что планировали организаторы. Возмущённые соплеменники Ская поддержали его гнев, и впервые за двести лет Император добился полного единства среди своих подданных. Даже могущественный Диктатор Сумрак, который после победы над врагом из центра Галактики навсегда удалился от политики, решил поддержать Ская и принял командование флотом.

Теперь против хозяев Хуана выступали пять Диктаторов, двое из которых были сильнейшими в Галактике. Долгая холодная война между Империей и Конфедерацией восемь лет назад разразилась всерьёз. И с тех пор с фронта ни разу не поступало новостей, способных обнадёжить противников Императора.

Тогда, восемь лет назад, у кратера, куда рухнула стазис-капсула с принцем Каэлом, Хуан увидел Императора собственными глазами. До этого дня он не понимал, сколь смехотворны притязания его хозяев. Он понял, увидев Ская. Если бы в тот раз Диктатор просто посмотрел в его сторону – всё могло сложиться по-другому.

Но Скай уже улетал, уверенный, что его сын попал в лапы врагов вместе с дочерью. И Хуан, сумевший не разбить машину на обратном пути (как – он не понимал), слёг в постель со страшным нервным расстройством. На следующий день он попытался расторгнуть сделку с хозяином.

Первый и последний раз попытался.

– Какого чёрта я раскис... – встряхнувшись, Хуан рванул флаер в воздух. Дал круг над гасиендой.

Мокрый снег бил в лобовое стекло, мягкое шуршание двигателя было почти не слышно. Включив микроволновой очиститель, Хуан прибавил обороты и помчался к далёкой горной цепи, носившей живописное название "Бычья кишка". На этой богом забытой планете даже горы были мерзкими – осыпавшиеся, низкие холмы, а не горы.

Куски красного камня. Внутренности. Словно всю планету вымазали в крови.

"Ничего, это мне отличный урок..." – подумал Хуан, всё сильнее разгоняя машину. Проклятая планета! Даже радио тут не работает, столько пыли, только гравитационная связь. А в этой пыли, между прочим, полно редких металлов. Например, таллия. Как знал Хуан, Мортар был единственной пригодной к жизни планетой, где окись таллия просто валялась на поверхности в виде самородков. Боссы зарабатывали колоссальные деньги, особенно когда первые экспедиции сумели приспособить зоргов к работе.

Зорги... Эти полумозговые ящерицы страшно действовали всем на нервы. Стоят, смотрят своими глазищами и шипят. Могут неделю стоять – Родригес для пробы приказал, так ящерица с места не двинулась, пока не околела. Тьфу!

Да ещё их надо прятать от драконов. Дерьмо! Все рептилии – поганые твари, но драконы особенно. Им, видишь ли, приспичило защищать любой разум. Даже хозяева Хуана, узнай они про зоргов, расправились бы с плантаторами быстро и эффективно. Куда эффективней, чем умел Скай. Хуан хорошо изучил своего хозяина; характером тот весьма походил на Императора, но был гораздо умнее и расчётливей.

– Ох и попадёт тебе от Ская, когда он вас придавит... – машинально пробормотал Хуан.

И едва не разбил флаер, услышав мрачный, полный мощи голос:

– Не думаю, что у него выйдет, человек.

***

Хуан не только подскочил, но даже завопил от неожиданности. С огромным трудом вернув управление машиной, он вытер внезапно вспотевший лоб и коснулся сенсора приёмника.

– С кем я говорю?

– Так быстро меня забыл, человек?

– Господи, Дарк, я же чуть не разбился! – Хуан постарался придать голосу возмущённую интонацию, но без особого успеха. Вызов от Диктатора, после шести лет спокойствия... А он– то, глупец, уже надеялся что про него забыли.

Тем временем над приборной панелью появилась яркая голограмма. Мрачный, величественный чёрный дракон лежал в знакомой Хуану ковровой комнате пурпурно– золотистых тонов. Освещение было подобрано так, чтобы тускло– красное свечение глаз дракона было хорошо заметно.

– Так ты не разбился? – уточнил Дарк Танака, глава Конфедерации, заклятый враг Империи, один из самых могущественных Диктаторов Галактики.

– Как видишь, – с трудом улыбнулся Хуан.

Дракон оскалил двухдюймовые клыки:

– Жаль.

Немного уменьшив скорость, Хуан перевёл машину на автопилот и покрепче ухватился за руль.

– Ну и шутки у тебя, босс.

– Адреналин полезен для здоровья млекопитающих. Что тебе удалось выяснить на планете?

Хуан покачал головой.

– Ничего. Никаких следов принца. Мои люди обыскали все притоны города, побывали на каждой подозрительной гасиенде. Но радиомаяк капсулы здесь бесполезен, ты знаешь. Бесконечные пылевые бури и тучи, несущие микрочастицы металла, делают наблюдение со спутников невозможным. Чёрт возьми, если бы ты сам хотел спрятать принца от Ская – лучшего места, чем Мортар, и придумать нельзя.

– Я знаю, – помолчав, ответил дракон. – Удача мне изменила. Это лишний раз доказывает, что малыш – истинный Диктатор.

– Почему?

– Потому что удача нам никогда не изменяет, – усмехнулся Дарк. – И моё невезение означает, что повезло Каэлу. Только Диктатор может оказать влияние на вероятность, контролируемую другим Диктатором.

Он повёл крыльями.

– Помни, нас невозможно убить. Если сын Ская – истинный Диктатор, то он жив, где бы сейчас ни находился.

Дарк подался вперёд, на камеру:

– И он здесь. Я знаю это.

Хуан неуверенно улыбнулся.

– Но, босс, сам Скай искал...

– Скай не нашёл. Он чужой здесь, а Сила не поможет искать объект, обладающий Силой. Кроме того, Скай уверен что оба ребёнка у меня.

– И он ничего не делает?

Дарк усмехнулся.

– Человек, мы со Скаем познакомились за два века до твоего рождения. Он прекрасно сознаёт, что если дети у меня – то у меня они и останутся, пока я сам не отпущу. И ещё он знает, что я никогда не причиню им вреда.

– Но ты же ненавидишь Ская!

– Ская. А не его детей. Ты меня удивляешь, Хуан.

У человека моментально вспотели руки и зашевелились волосы на голове. Этой фразой Дарк предупреждал, что следующий просчёт – и на Мортаре станет одним Хуаном меньше.

– Понял, босс. – внезапно охрипшим голосом произнёс человек.

– Умная обезьянка. Теперь слушай внимательно, повторять не стану. Скай уверен, что малыш у меня. Я не могу привлекать повышенное внимание к Мортару, поскольку тогда даже Скай сообразит, кого я ищу, и наглухо отрежет весь этот сектор.

Дарк перебрал когтями по ковру. Хуан содрогнулся; этот сухой треск было невозможно спутать ни с одним другим звуком.

– К счастью, у меня есть то, чего у Ская никогда не было: мозг, – продолжил дракон. – И недавно его посетила отличная идея. Я нашёл молодого дракона, которого никто не связал бы со мной, снабдил его убедительной легендой и послал в Империю, на планету Нагината, где живёт довольно известная личность по имени Шибо Наака.

Хуан отпрянул.

– Но ведь это легенда...

– Отнюдь, – усмехнулся Дарк. – Наака реален. Он не Диктатор, однако

способен ощущать Силу в сотни раз лучше любого из нас. Мой посланник рассказал Нааке историю о мерзавце– Дарке, похитившем двух невинных детишек, взмолился о помощи, сказал, что готов пожертвовать жизнью за ребёнка... И дальше в том же духе. Короче, Наака сообщил ему о необъяснимом всплеске Силы в районе Мортара, около полугода назад.

Чёрный дракон сузил зрачки:

– Такие всплески бывают в двух случаях, – сказал он жёстко. – При рождении Диктатора, и когда он осознаёт свою Мощь. Так что Каэл здесь.

Изображение приблизилось, показав глаза Дарка в натуральную величину.

– Хуан, за восемь лет принца никто не видел. Это значит, что его нашли сразу после катастрофы и спрятали, надолго и надёжно. Кто– то на вашей планете хочет использовать сына Императора.

– Кто?! – изумление Хуана было настоящим, и Дарк это понял.

– А вот это ты мне скажи, человек.

– Но здесь нет никого, кто мог бы пойти на такое без... умно сложное дело!

Дракон усмехнулся, заметив оговорку.

– Не говори за всю планету, человек. Ваше племя испокон веков ненавидело нас, а тут такая возможность... Не удивлюсь, если малыша пытали все эти годы. Чтобы стать Диктатором, Хуан, надо пройти сквозь Ад... – Дарк помрачнел, что– то вспомнив. Несколько секунд молчал. – Ненависть. Только ненависть способна породить Диктатора, и все мы прошли сквозь это, человек. Полгода назад Каэл ощутил в себе Силу. На собственном опыте я могу легко представить, что с ним вытворяли.

Чёрный дракон оскалил клыки в гримасе ярости.

– Запомни, человек: когда я найду принца, эта планета будет уничтожена, чтобы стереть все следы. Если твоя помощь в поисках окажется полезной – я эвакуирую тебя и троих людей по твоему выбору. Если же нет...

Дарк протянул могучую лапу к камере.

– Альтруизм никогда не входил в число моих добродетелей, – прорычал он, и голограмма погасла.

Хуану пришлось посадить машину, выйти и закурить. Зажечь сигару он смог

только с третьего раза – руки тряслись.

– О, боже... Боже, во что я влез... – прошептал человек. Смысл разговора был предельно ясен. Дарк готовился к операции по захвату принца, и предупреждал своего агента, чтобы тот принимался за работу.

Но чёрный дракон никогда и ничего не говорил просто так. Дарк был умён, как десять Хуанов разом, имел за плечами опыт трёхсотлетней жизни; зачем такому дракону рассказывать мелкому исполнителю вроде Хуана историю с Наакой и поисками Каэла? Хуану совсем не нравилась такая откровенность.

Вывод напрашивался только один: Дарк поведал о своих действиях, рассчитывая через Хуана дезинформировать Империю. Это была сразу и хорошая, и плохая новость; хорошая – поскольку теперь гибель вместе с планетой Хуану точно не грозила. И плохая, ибо после допроса у Ская ни один человек ещё не был отпущен...

Несколько минут Хуан курил, подставляя разгорячённое лицо ледяному ветру. Наконец, он забрался в машину и продолжил путь к пещерам. Драконы... Большие ящерицы. С ними – то ничего не поделаешь, а вот с их местными родичами... При мысли о зоргах, на губах у Хуана проступила мрачная улыбка.

– Господин едет, рептилии. И господин в о – очень плохом настроении...

2

Обломки флаера Родригеса он обнаружил с воздуха, и сразу приземлился. Хуан некоторое время не выходил из машины, внимательно оглядывая окрестности. Но ничего не увидел, и вышел. Держа бластер наизготовку, Хуан подбежал к давно остывшим остаткам старого "Мастронни 76", который так любил мыть его друг. Убедившись, что на горизонте чисто, пилот засунул бластер в кобуру, и нагнулся над обломками.

Родригес был в машине. Вернее, то, что было в машине, могло быть Родригесом. Обугленные кости, переломанные в сотне мест, и прибитые к спинке

сидения сорвавшимся рулевым рычагом.

Хуана едва не стошнило, он отошёл, и, бледный, опустился на траву. Выл ветер.

"О боже, как мог он погибнуть так глупо?.. Сколько раз я говорил ему продать свой металлолом... Какой был парень..."

Минут через пять, Хуан встал. Он должен отдать Родригесу последний долг. Вытащив из багажника перчатки, Хуан собрал останки своего друга, и придал их земле, соорудив с помощью бластера кособокий крест из бамперов флаера. Затем он сел в свою роскошную машину, и закурил. Табачный дым заполнил флаер, придав и без того мрачному пейзажу вид преисподней.

Так он курил полчаса, после чего вызвал базу. Гравитационный передатчик стоил как половина флаера, и на всём Мортаре их имели только Хуан и ещё три богатых плантатора. Подумав об этом, он чертыхнулся. Имей Родригес передатчик, он мог бы вызвать на помощь, и мог бы выжить!

– Шеф...

– Да, Хуан?

– Родригес мёртв.

Молчание.

– Как?

– Его старая жестянка взорвалась в воздухе. То, что осталось, я похоронил.

– Святая Мария...

– О да, Идальго.

– Тебе нужна помощь? Выслать грузовик?

– Спасибо, шеф, не нужно. Я уже справился.

Пауза.

– Хуан... Я понимаю, что сейчас не время... Ведь он был твоим другом?

– Да. Лучшим.

– Святая Мария, мне так жаль... Но всё же, Хуан, посмотри, не остались ли самородки в обломках?

Хуан замер, и уставился на передатчик. Пауза длилась так долго, что Идальго быстро добавил:

– Впрочем, забудь об этом. Возвращайся, и отдохни. Я выпишу тебе увольнительную на неделю.

– Спасибо, шеф, не нужно. Сейчас я проверю самородки, только докурю. – он выключил передатчик, и в машине повисло тягостное молчание.

– Видишь, друг, чего мы стоим? – внезапно сказал Хуан неизвестно кому.

Самородков не было. Видимо, Родригес погиб на пути к горам. Хуан постоял над обугленной железкой, и только тут сообразил, что в машине не было **ВООБЩЕ** ничего. В том числе, и бластера Родригеса.

Глаза пилота прератились в щёлки. Так вот оно что... Род перебежал кому– то дорогу... Ну, Дарк, если это ты!..

Хуан вернулся в свой флаер, и задумался. Кто мог хотеть смерти Родригеса?

"Никто" – признался он себе. Род был тихим деревенским парнем, даже слыхом не слышавший о делах, которые творили люди типа Хуана. Нет, он тут не причём. Вернее, НЕ он тут причём. Просто он что– то узнал. Он узнал нечто такое, что заставило серьёзных парней сразу его ликвидировать.

Хуан закурил вновь. Он знал пару таких ребят на Мортаре. Но они тоже отлично знали Хуана, и ещё недостаточно свихнулись, чтобы перебежать ему дорогу. Однако проверка не помешает...

– Мигель.

– Да, Хуан?

– Найди Педро и Маримбу.

– Что, прямо сейчас?!

– Да. Притащи их к передатчику. Надо поговорить.

Он успел выкурить две сигары, пока не прозвучал вызов.

– Да, Хуан?

– Парни, сегодня загасили Родригеса. Я хочу знать, кто.

Они в страхе переглянулись

– Хуан, это не мы.

– Если бы я думал, что это вы, я бы не разговаривал.

Они с таким облегчением вздохнули, что Хуану стало противно.

– Мы пустим в ход всё, что имеем, Хуан. Именем святой Марии клянусь! –

сказал Педро, утирая пот кружевным платком.

– Жду. – он отключился. Две ниточки долой. Теперь – главная. Хуан заколебался, но набрал номер. Ответа не было долго.

– Слушаю.

– Дарк, это Хуан.

Включилась голограмма. Только драконы имели передатчики с односторонней видеосвязью.

– Что случилось?

– Только что убили моего друга, Родригеса.

– Жаль.

Хуан мысленно помолился, и метнулся в омут.

– Дарк, это ты его убил?

Дракон прищурился.

– Нет. Почему ты подумал обо мне?

– У него не могло быть врагов.

– Это не ответ.

– Дарк, его могли убить только по одной причине: он что-то узнал. А в этом отношении ты – самый лакомый кусочек.

Дракон задумался.

– Слишком маловероятно, Хуан. Так просто? После двух лет поисков? Нет, моё дело не имеет к этому точек соприкосновения. Впрочем, я проверю его связи. Все.

Голограмма пропала, и Хуан в гневе ударил по пульту кулаком. Эта ящерица слишком много на себя берёт! То что он сидит в этом коровнике, и сосёт его подачки, не значит, что Хуан перестал быть самим собой!

А он был весьма известным человеком в своё время, и в другом месте. Был... Пока не перебежал дорогу тому, кому НИКОГДА нельзя было перебежать дорогу. И теперь он вынужден сидеть здесь, слушать этого подонка Идальго, улыбаться плоским шуточкам Мигеля, пить дрянное пиво, и собирать вонючих ящериц...

От гнева Хуан тяжело дышал. Нет, времени прошло достаточно. Он больше не намерен сидеть тут телёнком, и сосать вымя этого ящера! В его жизни и так слишком много ящериц! Ему не нужна ещё одна!

...Которая могла просто шевельнуть хвостом, и о Хуане забыли бы навсегда.

Несколько минут он старался взять себя в руки, после чего взлетел, продолжив путь к горам. Идальго не должен узнать, что Родригеса убили. Поэтому нужны самородки.

Зоргов не было на площадке, и Хуану пришлось подлететь к их вонючей пещере в скале. Его настроение от этого ни капли не улучшилось.

– Зорги, на выход! – привычно проговорил он в усилитель, сажая машину, и одевая шлем с инфракрасным прицелом. Так, для профилактики.

Довольно долго никто не появлялся, потом показались три ящерицы, которые дрожа шли к своему Господину, держа в руках мешки с самородками. Хуан поморщился. О боже, как его достали эти звери... Надоело! Он хотел домой, на Марс, в Нью–Вегас... Где нет ящериц, зато есть дамские сумочки... И дамы. У Хуана почти три месяца не было женщины, и он стал весьма раздражителен. Последствия той катастрофы всё ещё ощущались на Мортаре, планету покинули многие жители, страшась гнева Диктатора.

– Где камни? – грозно спросил он у зорга, который тащился впереди.

– Вот они, Господин... – смиренно прошипела ящерица, падая на колени.

Хуан взял мешок, открыл, и заглянул внутрь.

В этот момент на него обрушился такой удар, что человек отлетел на десять метров в сторону. Не одень он шлем, Хуан просто погиб бы, разбив голову о камни. А так он остался лежать с жуткой головной болью, неизвестно почему не потеряв сознание. Хуан смутно ощущал, как чьи– то мощные руки обыскали его, отобрав бластер, мачете и все три ножа, и как эти же руки ухватили его за ноги, словно пушинку потащив неизвестно куда. В гаснущем сознании пилота вспыхнула мысль:

"Они добрались и до меня"

После чего всё поглотила тьма.

Он приходил в себя медленно и мучительно. Голова болела так, что Хуан едва не застонал. Но сдержался, и открыл глаза.

Ничего не изменилось. Темнота ни на миг не рассеялась. Пилот испугался. Неужели он ослеп?!

Попытался поднести руку к лицу, но не смог даже пошевелить пальцем. Тело словно пропало, и Хуан задрожал, сообразив, что это значит.

"Я парализован!" – от ужаса человек завыл, словно волк в капкане. И сразу пришёл ответ.

– Ты ещё жив, человек?

Хуан не смог даже вздрогнуть. Но в мозгу завихрились мысли. Голос был мужской, глубокий. И он спросил: "Ты ещё жив, ЧЕЛОВЕК?". Это значило, что спрашивал не человек. И Хуан отлично знал, кто...

"Ну, вот и всё. Дарк смахнул ненужную фишку с доски. Он, наверно, просто намекнул в нужном месте, в нужное время... И за меня взялись драконы Диктатора".

Хуан ни на секунду не надеялся на спасение. Что такое СС, он знал.

– Если вам сказали, что я подстроил то дело – то вам лгали. Я просто сообщил место и время. Дело сделал Дарк.

– Какое дело? – голос был невозмутим. Но к нему примешивались странные тихие шумы, словно много маленьких драконов водили хвостами по полу.

"Ящерицы!" – понял Хуан, и сразу узнал характерный запах. "Они устроили штаб в пещере ящериц!"

Он невольно восхитился профессионализмом противника. Никому даже в голову не придёт...

– Лучше говори сам, человек, потому что у меня ОЧЕНЬ мало терпения.

– Что говорить?

– Где находится главная база людей? Та, на которой есть обучатели?

"Обучатели? Что за обучатели? Что за бред несёт этот гад?!"

– Слушайте, прикончите меня сразу, хорошо?

– Нет. Сначала ты ответишь нам на все вопросы, а потом я тебя прикончу.

"Честно" – не смог не признать Хуан. Во рту набралась горькая слюна, сердце забилось с перебоями. Он ощутил, как его начинает наполнять холод, идущий из глубины сознания. Холод смерти.

– Тогда убивай. Мне нечего сказать.

– О нет, человек. Сначала я вырву тебе когти на ногах, и пушу туда уца. Потом я начну медленно снимать с тебя кожу, как ты любишь делать с зоргами. Но я сначала сниму кожу, а потом убью. Медленно. ОЧЕНЬ медленно.

Сердце Хуана остановилось.

"А ведь они могут!" – в ужасе понял пилот. Он много слышал про личную стаю Скай, и их методы. Диктатор всегда считал, что цель оправдывает средства. Особенно столь незначительные, как Хуан...

– Что вы хотите знать? – голос предательски задрожал.

– Я уже спросил.

– Какие, к дьяволу, обучатели?! Что это такое?

– Предыдущий человек долго кричал, потом сказал эти слова. Я тоже не знаю.

Но узнаю, человек. О, я узнаю...

Голос придвинулся вплотную, и Хуан ощутил горячее дыхание дракона. От ужаса в голове помутилось, он закричал, представляя себе, как пятисантиметровые клыки погружаются в его тело, вырывая внутренности, дробя кости... Как они сделали с Родригесом...

Ужас уступил место бешенству. Они пытали его до смерти, а потом взорвали, и просто выбросили на помойку! Гады!!! ГАДЫ!!!

– Убью!!! – взревел человек, пытаясь порвать несокрушимые путы.

– Не думаю, что у тебя выйдет, человек.

Хуан замер. О боже!!! Это Дарк! Это не Скай, это Дарк!!!

– Дарк!!! – крик Хуана был рождён отчаянием.

– Дарк!!! Я ещё нужен!!! Не надо меня выбрасывать, Дарк!!!

– Кто такой Дарк?

И внезапно тело Хуана пронзила такая боль, что в темноте, казалось, вспыхнули костры крови. Он закричал с мукой, пытаясь пошевелиться, убрать страшную боль с того места, где были ноги. Но не смог. И он кричал, захлёбываясь кровью из прокушенного языка, пока боль не ушла.

– Ты меня понял.

От ненависти мозг Хуана закипел, и он зарычал словно зверь в западне, увидевший охотника.

– Я убью тебя!!! Убью!!! УБЬЮ!!!

Боль вернулась.

***

..."Я жив? Я жив?! Как могуя быть живым?!" – сознание медленно возвращалось к Хуану. Лучше бы оно этого не делало... Боль в изуродованном теле заставила пилота закричать, и захлебнуться солёной кровью.

– Ты мало мне сказал, человек. Жаль. Я надеялся, что ты сможешь дать мне нужные знания.

– Кто... ты... такой?... – хриплый голос Хуана был едва слышен.

– Меня зовут Ветер, человек. Я приёмный сын Тьясы, которого ты убил. Но ты не снял с него кожу, человек. Ты его сжёг. Я решил дать тебе ту же смерть. Хотя ты не достоин её. Но я добр, и великодушен. Как Господин.

Хуан почувствовал, что тот кусок мяса, который ещё утром был его телом, мощные руки взметнули в воздух, и швырнули далеко вперёд. Он упал на камни, и покатился по ним, теряя сознание от боли, ощущая неумолимый напор смерти.

Но ему не дали уйти так просто. Рука дракона остановила падение человека, и Хуан понял, что сейчас его заживо сожгут. Последней мыслью в умирающем мозгу было:

"Увидеть! Увидеть свою смерть!"

– Дай... мне... тебя... увидеть!!!

Рука на мгновение замерла.

– Ты хочешь меня увидеть, человек? Хорошо. Смотри.

Последний всплеск боли, когда с лица вместе с кожей содрали паутину... И Хуан увидел. Он увидел свою смерть.

На изуродованного человека гордо смотрел молодой дракон, которому было не больше восьми– девяти лет. Изумительное сложение и цвет могли бы сказать Хуану многое, но он просто не заметил их. Нет, умирающий человек смотрел в глаза дракону, и видел там только себя самого. Дракон не испытывал ни жалости, ни сомнений. Он просто НЕНАВИДЕЛ Хуана. И убивал того, кого ненавидел – ибо получал от ЭТОГО радость.

Сегодня, в разговоре с Дарком, человек познал неуверенность.

Сегодня, предвидя жуткие пытки, человек познал Страх.

Сегодня, почувствовав дыхание смерти, человек познал Ужас.

Но только сейчас, взглянув в глаза Дракона, человек познал себя самого.

Он ничего не сказал. Но в тот миг, когда тело его летело в огромный погребальный костёр, Хуан подумал:

"О Скай, твой сын превзошёл тебя во всём. Как и должно быть."

Дым от тела Хуана Лавьяды поднялся к сумрачному небу, где его подхватил Вечный Ветер, и унёс на юг, подарив пилоту шанс узнать, куда летят тучи. Его никогда не интересовали такие глупые вопросы.

***

– Ты узнал, что хотел, Крылатый? – Ньяма стоял рядом с богом, и смотрел в костёр, где догорали останки Господина.

– Нет. Он не знал, где можно взять знания.

– Может быть, первый Господин ошибся?

Ветер поднял грозную голову, и наполнил свою могучую грудь холодным воздухом свободы.

– Не надо называть их Господами, Ньяма. Это просто люди.

– Ты прав, Крылатый. Ты прав.

Сзади из пещеры медленно подходили зорги, окружая костёр, и следя, как ветер относит искры на юг. Дарьяка посмотрел на Крылатого, и отвёл взгляд.

– Ветер... Этому ли учил нас Тьяса? – спросил он с тоской, вспоминая вопли Господина, и хруст, когда дракон один за другим ломал его пальцы.

– Нет. Тьяса учил меня, что жизнь устроена как скала. Вершина Скалы – это я. Я могу избирать себе любую жертву. Вы – это Основание Скалы. Вы не можете.

Молодой дракон помолчал, следя за языками пламени, столь напоминавшими своим цветом кровь. И добавил.

– Но я не хочу, чтобы так было. Я разрушу эту кровавую скалу.

Наступила тишина, и лишь завывал Вечный Ветер, с каждым днём всё усиливаясь, с каждой минутой все более охлаждаясь. Ветер нёс Зиму, и зорги невольно сгруппировались тесной кучкой вокруг своего бога, и своего вождя, которые стояли плечом к крылу. Так стояли они, смотря в костёр, а над ними летели тучи, направляясь туда, откуда нет дороги домой. Совсем.

И тогда Дарьяка тихо сказал:

– Для того, чтобы разрушить скалу – не нужно отрезать её вершину. Достаточно разрушить основание.

Ветер подхватил слова хмурого зорга, и унёс их туда, где, возможно, сейчас был Тьяса. Но они никогда не узнали, что сказал старик, услышав их. И сказал ли.

4

Сеньор Педро Граччи, доктор ксенозоологии, готовился закусить вкуснейшим бифштексом из нежного мяса дмьорга. Толстый, краснощёкий ветеринар сидел на застеклённой веранде своей гасиенды, смотрел кабельное телевидение, и скучал. Ему опротивела эта планета. И эти люди. Тупые, жалкие скоты, способные лишь заколачивать деньги. Все они вместе не стоят одного волоса с его головы. С головы, в которой мозгов больше, чем у десяти этих скотов разом.

Доктор вздохнул, и он обратил свои помыслы на приятное. Большой кусок

бифштекса канул в его бездонное чрево, вызвав на лице отвращение.

– Мария! Иди сюда!

Старая кухарка вошла на веранду, и недовольно посмотрела на Педро.

– Ты опять не одел солфетку!

Раздражение доктора усилилось.

– Во первых, не СОЛфетку, а салфетку. А во вторых, ты недожарила бифштекс.

– Да проклянёт нечистый твой лживый язык! – возмутилась женщина. – Да как можешь ты такое говорить!

– Молчи, жаба! Возьми эту дрянь, и выбрось! И принеси мне текилы!

– Жаба?! Ты это мне сказал? Ну, всё. – фартук полетел в голову доктора. – сам будешь жарить себе бифштексы, и заедать их СОЛфетками! С меня хватит! – возмущённая женщина повернулась к двери.

– Стой!

– Аста лависта, дон Педро.

Веранда содрогнулась от хлопка двери. Дон Педро от возмущения побагровел, и разразился такой речью на родном языке, что даже у гипнообучающего компьютера, его гордости и главного сокровища, завял бы процессор. Наконец, выговорившись, доктор замолчал, тяжело дыша, и пылая праведным гневом. Ну хорошо, жаба. Ты вернёшься домой...

Словно специально, телесериал на экране прервался, и замигал огонёк срочного вызова. Доктор закрыл глаза, сосчитал до десяти, и открыл.

– Святой Франциск, кому не терпится?

Его пальцы коснулись заплывшей жиром кнопки на пульте, но экран остался тёмным. Анонимный вызов. Понятно...

Доктор потёр ладони. Аборт! Он гнусно захихикал. У него был свой излюбленный приём завершения операции... Пока пациентка под наркозом...

– Слушаю.

– Дон Педро? Это вы?

Странно, он никогда не слышал этого голоса. Судя по нему – мощный, здоровый мужчина... Интересно...

– Да, это я. Кто говорит?

– Я звоню от сеньора Идальго И Санчеса. Ему очень плохо. Нужна ваша помощь. Срочно.

Педро страшно удивился.

– Идальго? Но это смешно! Я не врач, я ветеринар!

Пауза. Потом голос невозмутимо продолжил.

– Дон Педро, сеньор Идальго говорил, что вы очень умный человек.

Теперь запнулся доктор. Хороший ответ, ничего не скажешь... Это пахнет контрабандой! С его подписью, как эксперта...

– А он говорил, сколько стоят мои услуги?..

– Да. Но я решил, что он неправ.

– И...

– Цену называет тот, кто делает работу – разве не это любимая поговорка сеньора Идальго?

– Моя тоже. – заметил Педро, в возбуждении вставая из- за стола. Если дельце выгорит... Он сможет полететь на Землю! Надо потребовать полсотни, не меньше.

– Тогда я жду.

– Где?

– На гасиенде сеньора Идальго, конечно.

Голос на мгновение напрягся, словно говоривший поднял нечто тяжёлое. Но тут же стал нормальным.

– Да, дон Педро... Мне говорили, что у вас есть обучатель?

– Что?.. – доктор изумился.

– Вещь, которая несёт знания тому, кто её использует.

"А... Он про мой гипнозер!"

– Вы имеете в виду мой гипнозер?

– Возможно, возможно...

– Он не продаётся. – Педро сказал твёрдо. На всю планету это был единственный аппарат.

– О, я не хочу его покупать. Но ведь им можно воспользоваться... Скажем, за соответствующее вознаграждение?

– А точнее?

– Любимая поговорка сеньора Идальго.

Волнение доктора нарастало. Это не контрабанда... Похоже, они хотят стереть кому– то память! Но не умеют пользоваться гипнозером... Нет, полсотни – это дерьмо. Тут пахнет тремя кусками... Если не больше...

– Я думаю, с этим не составит проблем.

– Тогда захватите его с собой. И последний вопрос. Этот... гипнозер – он действует только на человека?

Граччи замер. Вот и ответ на все вопросы. Они нашли его! И разумеется, решили выжать из метрополии всё! Ну, амиго, сегодня его счастливый день... Проверим?

– Нет, на драконов он тоже действует.

– На кого? – удивление было неподдельным.

– На драконов.

Длинная пауза. Настолько длинная, что сомнения доктора растворились, как дым. Всё ясно. Они нашли его, и хотят временно вывести из игры. Дракон – это не зорг, как– никак. Его держать сложно...

– Почему вы подумали о драконах? – голос сопровождался щелчком, словно микрофон был временно отключён.

– Да так... Мысли разные в голову лезут... Мне вылетать?

Вновь небольшая пауза.

– Нет. Я прилечу сам. Подготовьте ... гипнозер, и место для большой грузовой машины. И мешок.

– Мешок? – доктор не понял.

– Для вознаграждения.

И вызов был прерван.

***

Несколько минут дон Педро молча сидел, пытаясь поверить своей удаче. Невероятно! О святой Франциск, ты решил ему помочь! Но надо готовиться!

Доктор вскочил, и выбежал во двор. Его гасиенда стояла далеко в степи,

одинок, и сейчас Педро благословлял это обстоятельство. Отогнав машину в гараж, доктор осмотрел посадочную площадку, и бросился в дом. Включив компьютер на самотестирование, он подбежал к видеофону, и набрал номер. На экране возникло чёрное, скелетоподобное лицо друга дона Педро, Маримбы Мбонги. Увидев горящие глаза партнёра по бизнесу, это страшное лицо улыбнулось.

– Не говори, что нашёл парня, кокнувшего Родригеса?

Педро отмахнулся.

– Забудь про Хуана, про Родригеса, про всё! Я нашёл ЕГО!

Маримба посерел – это был его аналог смертельной бледности.

– Не может быть.

– Через час ко мне доставят тёпленький, синенький мешок с чистым иридием.

Массой, думаю, миллиардов на два. Как раз.

– Кто?!

– Ещё не знаю. Но гринго. И тупица. Ему нужно стереть память, видимо для перевозки.

Маримба помолчал.

– Ты справишься?

– Нет. Рисковать ЭТИМ делом я не намерен ни секунды. Пришли всех, кого сможешь, и сообщи моим парням, чтобы мчались сюда, как на крыльях.

Маримба кивнул, а потом внимательно посмотрел на друга, и задал странный вопрос:

– Кому? Синему или чёрному?

Дон Педро Граччи подумал, и ответил.

5

Парни стояли по периметру гасиенды, в самой гасиенде, в степи вокруг гасиенды, в подвале гасиенды и на чердаке гасиенды. Дон Педро последний раз обошёл свою команду, и вздохнул. Ну, бог, если ты есть, то помоги.

Он вернулся в кабинет, и принялся нервно расхаживать по ковру. За занавесками из кожи зорга солнце садилось за тучи, и ледяной ветер выл, неся холод. Планета, ось которой была сильно наклонена к плоскости эклиптики, неторопливо совершала свой путь вокруг солнца, неравномерно нагреваясь, и порождая многолетние потоки воздуха из полушария в полушарие...

Протрещал вызов, но доктор схватил пульт раньше, чем умолкли последние отголоски.

– Дон Педро слушает.

– Обстоятельства немного изменились. Я не смогу прилететь на вашу гасиенду. Жду вас вместе с гипнозером на гасиенде сеньора Идальго, через час.

И вызов был прерван. Дон Педро недоверчиво уставился на пульт, а потом завыл, как волк, упустивший оленя.

– Проклятие! Кто сказал этому гринго?!

Немного успокоившись, он стал лихорадочно размышлять.

"Нет, ещё можно не упустить деньги. У меня всё равно есть два пути. Первый – отбить. Второй – набрать номер из восьми цифр, и позвонить на Дракию..."

Педро покачал головой. Нет, это на крайний случай. Он знал тот тип людей и драконов, к которым относились Дарк и Скай. Они просто раздавят дону Педро, и не заметят. А заметят – так брезгливо вытрут ноги, и пойдут дальше. Относительно Ская он был уверен: звонок в метрополию, и верёвка на шею – два названия одного явления. Дарк мог наградить... А мог и стереть. Для профилактики...

"Нет, с Диктаторами надо говорить, имея в кармане козырь. А этот козырь сейчас сидит в машине у подонка Идальго, и машет крылышками стоимостью в миллиард каждое!" – Педро заскрежетал зубами, и выбежал во двор.

– Парни! По машинам! Оружие готовить! Помните: летим к Идальго, режим ВСЕХ! Но там есть маленький синий дракон.

Он оглядел свою команду, и добавил.

– Это сын Ская. Понятно, надеюсь?

Они отшатнулись, и с тревогой переглянулись.

– Если с него хоть чешуйка упадёт, Мортара больше нет. ЭТО понятно, надеюсь?

– Да, босс.

– Летим!

***

– И что ты хочешь этим достичь? – измученный голос Идальго Санчеса дрожал от ненависти. Владелец плантации был привязан к стулу так крепко, что руки и ноги уже посинели и распухли. Окровавленное лицо и избитое тело свидетельствовали, что он заговорил не сразу.

– Я ничего не знаю о вас, люди. – мрачно ответил дракон, лежавший на роскошном ковре зала, и державший два бластера.

– Мне нужны знания.

– Зачем?

– Чтобы лучше познать способы вас уничтожить.

Идальго сплюнул кровавый комок.

– Ты свихнулся! Ты спятил, пока жил у этих ящериц!

Дракон нахмурился, и стул вместе с Идальго отлетел на другой конец огромного зала заседаний, расположенного на третьем этаже гасиенды плантатора. Удар заставил человека закричать от боли.

– Зорги в сотни, в тысячи раз лучше тебя, Идальго Санчес. Они не убивают ради денег, они не убивают ради наслаждения. Они вообще не убивают. Убивают только их.

Ветер встал, и подойдя к человеку, как пёрышко поднял его в воздух вместе со стулом, прижав к стене, и приблизив его лицо к своему.

– Я – не зорг, Идальго. Я мог стать им. Я МОГ. Но моего учителя, моего наставника, моего спасителя, моего ОТЦА – его убил ты. Ты убил моего отца, который был просто стариком, мечтавшим о тёплом месте около костра... И всё!!! Так чем вам мешал несчастный старый Тьяса, и его верная подруга?! Вы даже не сняли с него кожу! Просто убили, и сожгли! Без какой–либо причины!

Дракон встряхнул Идальго, и отшвырнул в центр зала, словно невообразимо мерзкого паука, случайно попавшего ему на ладонь. В глазах Ветра, который лишь три дня назад осознал в себе силу Диктатора, горело пламя такой ненависти, что Тьяса просто умер бы, взгляни он сейчас на своего возлюбленного Крылатого...

Впрочем, Крылатый тоже был мёртв, как и его отец. Настоящий отец. Ибо удар Хуана убил обоих сыновей Тьясы – молодого, даже не получившего имени зорга, и ещё более молодого, нежного ребёнка мечты старика. В ту ночь тучи приняли дым от тела отца, дух от тела сына... и вопль от духа бога.

И умер в тот час бог племени зоргов, упав к ногам Дракона.

И умер в тот миг Крылатый, сын Тьясы, упав к ногам Ветра, сына Ская...

Ветер, сын Ская, оглянулся, и взглянул на свою жертву. И увидев его презрительный взгляд, забыл человек о своих страхах. Ибо он и Дракон были почти одинаковы – два Убийцы, которые дрались за вершину Скалы. Но Дракон был сильнее. Он плюнул в лицо Идальго, и бросил:

– Моего отца убили люди. А люди – не мситри. На них не стоит охотиться. Их надо просто вырезать. Вот так. – и коготь дракона одним движением нарисовал на титановой стене зала силуэт Скалы. И перечеркнул его сверху вниз, словно отмечая путь павшего Человека...

Поняв, что он имеет в виду, человек озверел от ярости, и крикнул:

– Ты! Да знаешь ли ты, кто твой отец?! Он самый страшный убийца в Галактике! Он взрывает миры, он вырезает целые народы! Он – Диктатор!

Ветер вскочил на ноги, и повинувшись его только зарождающейся силе, человек повис в воздухе между полом и потолком.

– Я много раз слышал это от тебя, и от других. Почему ты считаешь, что Скай – мой отец?

– Да ты посмотри на себя!

Ветер замер. Он долго молчал, пока покрасневший от бешенства Идальго извивался в воздухе. Но наконец, он сказал:

– Да. Я похож на него.

– Ему далеко до тебя, змеёныш!

Страшный вопль человека прервался, когда сила Ветра с хрустом скрутила его

наподобие выжимаемого полотенца. Поток крови хлынул на пол, оросив дракона животворным дождём. Сын Ская вдохнул солёный запах вражеской крови, и посмотрел вокруг. Его друзья толпились на первом этаже гасиенды, ожидая своего бога. Ньяма стоял на часах, сжимая бластер обоими руками. Они боялись. Они страшно боялись смерти. Но шли. Шли за своим вождём. Шли за своим богом. Хотя не имели даже малейшего понятия о том, что же такое их ждёт в случае победы... Цену победы знал только бог. Зато все знали цену поражения.

Этому Ветра научил Тьяса. Он сказал Крылатому:

"Ты свободен, Ветер – и поэтому ты бог. Не дай никому взять у тебя свободу."

Дракон закрыл пылающие золотые глаза, из которых катились слёзы, смешиваясь на ковре с кровью врага.

"Свобода... Понимал ли ты, что такое свобода, о Тьяса?" – молча спросил плачущий бог неизвестно у кого.

"Я познал свободу, взойдя на вершину Скалы по мокрым от крови склонам. А ты? Ведь ты даже не мог ходить, когда учил меня этому. Ты сидел, смотрел в небо, и плакал. Плакал от горя, зная о смерти своего сына за много дней до неё. Плакал от радости, видя как я учусь летать..."

– Небо принадлежит мне! – Дракон расправил сверкающие крылья, и взревел.

"Но ты видел в нём то, что до сих пор скрыто от всех нас, Тьяса. Ты знал небо лучше меня, его повелителя, ибо глядя туда, находил ответы на вопросы, сжигающие сейчас мою душу"

"Ты смотрел туда, и тихо рассказывал про всё, что сейчас происходит со мной. Ты видел это. Ты ЗНАЛ. И пытался уберечь меня."

– А я не смог уберечь тебя, Тьяса... – прошептал плачущий бог. – Я не смог..

Он несколько минут стоял зажмурившись, и ощущая только биение сердец. Затем Ветер, сын Ская, открыл глаза, и посмотрел вниз. На Основание Скалы.

– Я принёс им свободу... – прошептал молодой бог, и познал ужас, услышав свои следующие слова.

– Я принёс им свободу убивать всех, кого они захотят. От богов до мситри. Вот что Я принёс им.

И тогда Ветер, сын Ская, задрожал, поняв, что первой его жертвой был Крылатый, сын Тьясы.

– Я принёс свободу выбирать себе ЖЕРТВУ! – в ужасе прошептал Дракон, и замолчал почти на час. Потом он поднял прекрасную голову, посмотрел золотыми глазами в окно, на мрачное кровавое небо, и спросил:

– А ты? Чему учил ты, Тьяса..?

И словно порыв тёплого ветра, словно дуновение от взмаха нежных крыльев, прозвучали едва слышные слова:

"Разве у мситри не может быть своего языка, своих песен..?" – ласковый голос Тьясы заставил могучего дракона сжаться, и превратиться в маленького, ничего не понимающего Крылатого.

– О, Тьяса... – прошептал Крылатый, плача. – Почему, почему меня лишили тебя, отец..?

По небу бежали тучи, которые гнал Вечный Ветер. Но Зима приближалась – и Ветер превращался в смерч.

6

Педро высматривал грузовик с драконом, но не мог его найти. Ему закралось нехорошее подозрение – а что, если этот парень достаточно умён, и не привёз добычу с собой? Что, если он хочет только встретиться здесь, а потом полететь на свою базу неизвестно где?! Доктор чертыхнулся, и повернулся к своим парням.

– Амигос, придётся подождать. Надо узнать, здесь наше соровище, или нет.

Парни с усмешками переглянулись, и пилот посадил большой грузовой флаер доктора на площадку перед гасиендой Идальго. Педро ещё раз повторил инструкции, и вышел. Его никто не встречал.

– Дон Педро? – человек взрогнул, но сообразил, что это просто усилитель из флаера.

– Да, я.

– Вы привезли гипнозер?

– Конечно.

– Он в машине?

– Да.

– Хорошо. Все, выйдете из машины. Быстро.

Педро замер. Он что, совсем псих?... Или правда не знает, с кем имеет дело?..

– Не думаю. – спокойно сказал он.

Из окна третьего этажа ударила очередь из стационарного бластера, и провела выжженную полосу вдоль ног доктора.

– Я считаю до пяти, потом убиваю тебя. Если просто пошевельнёшься – убью.

Выходите из машины.

Посеревший дон Педро в ужасе понял, что ошибся. Гринго просто идиот, а они ведь не разговаривают... Они убивают!

– Только я знаю, как пользоваться гипнозером! – взвизгнул он.

– Тогда я отрежу тебе ноги. Ты всё равно сможешь мне рассказать.

Внезапно луч дал очередь в небо, за спину доктора, и взрыв рассказал, что второй флаер с парнями больше не придёт им на помощь.

– Надеюсь, гипнозер был не в той машине? Потому что иначе ты мне не нужен.

– Нет, нет, он здесь... – холодный пот катился по лбу дона Педро.

– Раз.

– Подожди! Там нет никого!

– Два.

– Стой!

– Три.

Дон Педро схватился за сердце, и повернулся.

– Парни, вылезайте!

Двери открылись, и пять телохранителей метнулись в стороны, поливая огнём окно гасиенды. В ответ прозвучала короткая очередь – и все пятеро превратились в огненные сгустки крика. Педро в ужасе опустился на землю. Как мог человек ТАК стрелять?! Кто он такой, чёрт возьми?!

– Ты хотел меня обмануть, человек? – в голосе прозвучала столь знакомая доктору насмешка. И только тогда он понял.

"Нет... Нет!!! Это невозможно! Он слишком мал, он просто не может так себя вести!"

– Кто ты?!

Неведомая сила подняла завывшего дона Педро в воздух, и стремительно протащила в окно третьего этажа. От ужаса при виде содержимого зала заседаний, волосы на голове доктора зашевелились, а лицо покрылось липким потом. Залитый кровью пол, забрызганные стены – и дракон, небрежно державший стационарную плазменную пушку, как автомат. Увидев дракона, у Педро просто остановилось сердце.

"Как я мог забыть, чей он сын?!" – в смертельном ужасе подумал ксенозоолог, посмотрев в пылающие глаза. "Я думал только о товаре... И забыл, что дракон – это не зорг, что с ним надо считаться! А теперь поздно"

– Ты хотел меня обмануть... – ласково произнёс Ветер, сын Ская, обводя посеревшего дона Педро когтем. – Я не люблю этого, человек.

Дракон напрягся, под чешуёй проступили стальные тросы мышц – и огромный флаер, стоявший во дворе, сам по себе взлетел, повиснув у окна. Голос звучал напряжённо, дракону явно было очень тяжело.

– Вытащи свой прибор, человек. БЫСТРО!

Педро молча, трясась от страха, подошёл к окну, и под прицелом огромного бластера с трудом вытащил из машины громоздкий компьютер с кучей проводов.

– Это всё?

– Да.

Машина рванулась в небо, словно у неё запустили двигатели, и превратилась в маленькое солнце, когда её догнал луч из пушки. Тяжело дыша от напряжения, молодой дракон повернул столь похожую на Диктатора голову к доктору, и приказал:

– Готовь машину.

"Он тут один..." – думал доктор, настраивая аппарат. "Мне ничего не стоит изменить программу, и стереть ему память..."

"Но что, если на Диктаторов это не подействует?! Тогда я мертвец!"

"С другой стороны, он почти наверное убьёт меня и так. Надо рискнуть."

– Готово.

Дракон с интересом посмотрел на сложный прибор, возле которого лежал универсальный индуктор, подходящий и для людей, и для драконов.

– Какие знания он даст мне, человек?

– Те, что ты сам выберешь.

Ветер метнул взгляд на доктора, и повернулся.

– Ньяма! Иди сюда.

"Зорг? Зорг???! Зорг с бластером?!!"

– Да, Крылатый?

– Принеси.

– Хорошо.

"Что? Что принеси?! Что он задумал?!!"

– Сядь.

Волосы на задней стороне шеи дона Педро присоединились к давно вставшим дыбком остаткам некогда пышной шевелюры.

– Что... Что ты задумал?

– Небольшую страховку.

Дракон усадил зоолога на стул, и быстро прикрутил его окровавленным канатом. Но одна рука осталась свободной. Мозг Педро кричал от страха.

– Вот, Крылатый.

И доктор Граччи закричал вслух. А дракон засмеялся.

– Узнал, не так ли?

– Нет!!! НЕТ!!!

– ДА!

Мощная рука прижала Педро к стене, и Ветер поднёс к его лицу извивающегося скорпья.

– Их яд действует три часа. Если в течение первых двух ты съешь вот это... –

дракон вытащил какого– то червя – то не умрёшь в страшных муках. Ньяма, унеси это вниз, и НЕ поднимайся, пока я тебя не позову.

Ветер с улыбкой наблюдал, как скорпья ужалил дону Педро в шею, и тот завизжал в смертном ужасе.

– Теперь ты понял меня, человек? Я должен буду дать тебе противоядие... А я сделаю это только если мне понравится твоя работа.

Он рассмеялся, взглянув на позеленевшего от страха доктора ксенозоологии.

– Вспомни любимую поговорку сеньора Идальго...

– ПОДОЖДИ!!!! Не одевай! – хрипло дыша, дон Педро дёргался на стуле.

– Мне... мне надо поменять кое-что...

Ветер усмехнулся.

– Время идет, дон Педро.

"О боже, боже, боже... Зачем мне это было нужно?! Зачем?! Я сам виноват! Сам!"

Он изменил программу, подключив базу знаний, и отменив команду на стирание коры больших полушарий.

"Теперь ты будешь доволен, змеёныш... Его надо убить. Обязательно. Скай просто птенчик рядом с этим монстром. Но это сделаю не я... Нет, мне есть что терять..."

– Что теперь?

– Одень индуктор, и ты увидишь надпись. Если не умеешь читать, то прибор сам научит, а потом покажет. Выбери раздел, и войди. Тебе запишут информацию прямо в мозг.

– Отлично.

Ветер крепче связал Педро, и позвал Яякве.

– Друг, видишь его?

– Да... – зорг трепетал при виде Господина.

– Скажи всем внизу, что сюда нельзя заходить два часа.

– Хорошо, Крылатый.

Дракон закрыл окно, дверь, опустил занавески. После чего оттащил стул вместе с доктором в центр зала, вернулся, и надел индуктор.

"Святая Мария, помоги мне освободиться..." – дон Педро яростно извивался, пытаясь выскользнуть из пут. Молодой дракон уже час неподвижно лежал на ковре, и доктор чувствовал, как по его телу начинает разливаться страшная волна смерти от укуса. Шея распухла, как дыня, Педро хрипло дышал, по нему катился липкий пот. Ватные ноги дрожали, как... как зорги?

"Как могут эти ящерицы помогать ему?.." – обесилев вконец, человек повис на верёвках.

"Они ведь трусливые, тупые, вонючие... Как мог сын Скай свести с ними знакомство?!"

"Они, вероятно, нашли капсулу ещё тогда, два года назад. И два года они прятали дракона! Невероятно!"

Он взглянул на великолепного хищника, лежавшего на ковре в кошачьей позе.

"А он остался драконом, более того – превзошёл своего отца! Как могло это произойти?! Он должен был стать зоргом, трусливым, робким ничтожеством! Обязан был!"

"Неужели они не просто дикари? Неужели у них хватило мозгов вырастить подлинного Диктатора в пещере?! Нет, это невозможно. Тут виновата кровь. Просто он слишком Скай, для того чтобы стать зоргом."

"И почему я не понял этого раньше?... Почему я не думал о нём, как о силе? Приз стоимостью в два миллиарда... Товар, который сам плывёт в руки..."

"А ведь это молодой Диктатор, самое могущественное существо в Галактике. Надо было быть полным идиотом, чтобы забыть об этом. А я забыл."

– И плачу... – прошептал дон Педро Граччи потрескавшимися губами. – И плачу...

Через два с половиной часа дракон медленно поднял голову, и стянул индуктор. В его глазах горело изумление, недоверие, страх, и непонимание.

– Я не знал! – голос Ветра дрожал. – Я НИЧЕГО не знал!

– Противоядие!!!! – хриплый голос доктора заставил дракона оглянуться.

– Дай... противоядие!!!

– От яда скорпья нет противоядия. – Ветер отмахнулся, и потрясённо закрыл глаза, пытаясь осознать лавину информации. Вопли Педро мешали ему думать, и

сила Диктатора быстро восстановила тишину в зале на третьем этаже.

На планете Мотрар.

7

Галактика Млечный Путь, сектор 34. Фиолетовая звезда Астарот, светимость 71 солнечная, диаметр 6.98 солнечного. Пять планет.

Планета Ваал, диаметр – 4.6 земного, к жизни не пригодна. Пятая планета от солнца.

Орбита планеты Ваал, 68,000 километров над поверхностью. Космическая станция вне классификации, диаметр 368 километров, население – свыше 10,000 постоянных жителей. Полностью автономна.

Дворец Диктатора.

Скай стоял в огромном зале, перед мощнейшим в Секторе компьютером, и смотрел на голограмму расположения сил. Империя не первый десяток лет вела холодную войну с Консолидацией, вторым крупнейшим центром культуры в Галактике. Но некоторое время назад конфронтация переросла в открытый конфликт, и обе крупнейшие в истории политические структуры, наконец, серьёзно схлестнулись в борьбе за сферы влияния.

Между ними было много общего. И та, и другая были тоталитарными структурами. И та, и другая давно переросли стадию внутрипланетных диктатур, и в обеих преобладали демократические государства. И та, и другая были более могущественны, чем все остальные политические формации в Галактике, вместе взятые.

И обе они держались на авторитете и силе своих лидеров, которые их создали, которые ими правили, которые ненавидели друг друга...

Но были и различия.

Империя была почти в два раза древнее Консолидации, и могущественнее. В Империю входило значительно больше систем. Лидеров у Империи было шесть, против двоих повелителей Консолидации.

И у Империи был он, Скай.

Могучий, невероятно красивый сине– золотой дракон создал Империю более ста тысяч лет назад, после своего возвращения из неизвестных никому уголков Вселенной. Империя держалась на нём, и его друзьях. Которых некогда было семь...

Диктатор был огромен. Он достигал почти шести метров в длину, при высоте в четыре и размахе крыльев в семнадцать. Скай был одним из наиболее крупных драконов, когда– либо рождавшихся на Дракии. Ему было уже несколько тысяч лет, большинство из которых Диктатор провёл, наращивая мощь и объединяя свою Империю. Имея контроль над временем, он и его организация Корректоров добились для неё практически полной неуязвимости.

Кроме того, Скай был наиболее могущественным Диктатором в Галактике. По крайней мере, до сих пор. И никто, никакая сила в мире не могла бы бросить ему вызов – за исключением другого Диктатора, хотя все они были слабее.

Диктаторы... Эти могущественные существа появлялись на свет раз в несколько тысяч лет, и лишь один из пяти становился самим собой. Они были загадкой.

Раньше их называли богами, позже, после Катаклизма – магами. Но они были реальны. И они повелевали столь невообразимыми силами, что вся Галактика трепетала лишь при упоминании любого из этих знаменитых имён.

Учёные спорили о природе их способностей, и искали корни в биологии – ведь все выявленные до сих пор Диктаторы относились к виду, возникшему на отдалённой и суровой горной планете, ныне центре всей Галактики, Дракии. И назывался их вид – драконы.

Но Скай знал, что биология тут не причём. Он знал это столь уверенно, потому что имел близкого друга, Диктатора – и не дракона. О нём знали только другие Диктаторы, и жители одной планеты, где ему пришлось открыть себя.

Скай сильно подозревал, что корень всей их мощи кроется в погибшей миллион лет назад планете, родине его друга Рэйдэна. Но сам Рэйдэн молчал, и даже

если он и мог дать ответы на многие вопросы, Скай не собирался их задавать. Он слишком многим был обязан своему другу.

Диктатор был мрачен. Его многовековая работа по "приведению Галактики в порядок", как он выражался, была готова рухнуть. Он всегда хотел прекратить войны. Он добился того, что в мире осталось только две сравнимые силы – он сам, и его бывшие друзья, а ныне смертельные враги. Все мелкие конфликты исчезли. И хотя он правил даже не железной, а стальной рукой, объективно он был отличным императором. В Империи не было войн, рабства (официально...), почти не осталось варварских планет. Основное отличие эпохи Диктаторов от предыдущих было в том, что сами правители, лично, творили историю, не предоставляя эту честь своим последователям... И детям.

Скай вздохнул. Ни один из его многочисленных потомков не стал Диктатором. Как и дети его товарищей оставались простыми драконами. Власть не наследовалась. Она просто приходила к избранным, руководствуясь неизвестными законами. Вот так, несколько лет назад, он обнаружил своего ближайшего помощника, почти равного по силе ему самому, дракона по имени Винг. Рождённый на варварской планете, и перенеся жуткие испытания в первые годы жизни, этот дракон сумел стать одним из наиболее многообещающих Диктаторов Вселенной, а учитывая, сколь молод он был, Скай только качал головой. Ему повезло. Винга могли найти раньше его – ведь молодой Диктатор был таким сокровищем, ради которого могли пойти на всё. Даже на отказ от собственных принципов ведения войны – как поступил глава Консолидации, Диктатор Дарк, при первом же подозрении, что маленький сын Ская, наконец, унаследовал чудовищную силу отца...

В душе императора кипела тяжёлая, сокрушающая ярость. Дарк нарушил неписанные законы, которыми руководствовались они после раскола. Они всегда соблюдали неприкосновенность семей и близких, и невольно уважали друг друга за это.

Но Дарк, и его друг Мрак, не могли более противостоять натиску Империи. Консолидацию сотрясали внутренние напряжения, и системы за системами призывали Ская стать их новым правителем. Ещё несколько лет – и Галактика стала бы единой.

Что, конечно, не устраивало Дарка. И решившись на отчаянный шаг, он рискнул напасть на жену Ская, летевшую к своему мужу после отпуска на нейтральной территории.

"Как он узнал, что Аракити и Каэл будут именно на этом корабле?" – подозрения разрывали Ская на части. Данных об этом не было вообще нигде. Он лично посадил Аракити и малыша на крейсер, и вернулся в свою резиденцию прямым путём, доступным только Диктаторам.

"Неужели его намёки на предателя – не политический трюк?"

"Но кто?! Драко? Тайга? Смешно! Они самые верные мои друзья. Им я могу верить больше, чем себе. Сумрак?.. Нет, он слишком умён. Сумрак никогда не рискнул бы войной, как и Винг. Впрочем, Винг тоже не знал. Да и не такой он дракон. Остаётся только один... Да..."

Диктатор задумчиво посмотрел, как перемещаются на голограмме огоньки, обозначающие флот Империи. Командовал флотом Диктатор Викинг, горячий и неуравновешенный дракон, но очень верный друг.

"Нет, не может быть, что бы они предали. Это невозможно. Мы слишком близки друг к другу. Нас слишком многое связывает."

"Но ведь многовековая дружба не помешала Мраку последовать за Дарком..." – эта мысль гадкой змеёй пробралась в суровый разум Ская, заставив Диктатора заскрипеть зубами.

"Надо было убить их обоих. Давным давно. Просто убить. Тогда я поглотил бы их Консолидацию, и наступил бы мир. Но нет, я всё пытаюсь обмануть себя. Вспоминаю Мрака, Дарка... Пытаюсь уверить себя, что они не враги, а просто оппозиция."

Он хлестнул себя сверкающим синим хвостом, чуть расправив сапфировые крылья, и закрыв пылающие зелёные глаза.

"Я слишком долго жил. Слишком много было ненависти, крови, смерти. Я устал. И когда явились подлинные враги, я не сумел их распознать. Это непростительно."

Могучий дракон открыл глаза, и взглянул на карту будущего сражения.

"Они добились своего. Я, я сам начал войну. Это значит, что я уже проиграл –

ведь я поступил так, как хотели они!" – низкое грудное рычание прокатилось по колоссальному залу, как далёкий гром.

"Я полечу туда, и вызову их обоих сразу. И пусть попробуют меня победить! Меня самого! Я – Скай! Я – это ВСЁ!"

Он резко повернулся, собираясь покинуть стратегический штаб, когда глубокий и чуть вибрирующий голос, способный свести любого дракона с ума за минуту, мягко произнёс:

– Ты всё работаешь, Скай?

Возлюбленная жена Диктатора, некогда человек, а ныне одна из самых прекрасных дракон в Космосе, заставила могучего повелителя замереть на месте.

– Аракити... – он медленно повернулся к ней, и в глазах Скай отразилась такая любовь, что его жена вздрогнула.

– Неужели ты всё ещё не нагяделся на меня, за столько лет?.. – тихо спросила дракона, глядя в глаза своего Диктатора.

– Я могу смотреть на тебя ещё миллион лет, и находить всё новые причины для восхищения... – он обнял её крыльями, и завертел по залу, словно в танце.

– Неужели ты так меня любишь, Скай?

– А разве ты сомневаешься в этом? – с улыбкой спросил синий дракон.

Она несколько минут молча обнимала его с закрытыми глазами.

– Нет... – наконец произнесла Аракити. – Не сомневаюсь. Хотя не понимаю, почему.

– Ты никогда не понимала меня до конца, любимая. – тихо сказал Скай. – И я рад этому.

– Нет, Скай, ты не прав. Я понимаю тебя. Я похожа на тебя, любимый.

– Да. Именно это и заставляет меня трепетать при виде тебя, Аракити. Я люблю тебя всю, от первого до последнего атома. И ты меня тоже любишь, я знаю.

– О да! – она вздрогнула, прижав своего дракона к груди.

Так они стояли несколько минут, столь сильно ощущая друг друга, что обоих била дрожь. Наконец, Аракити открыла глаза, и спросила:

– Новости о Каэле?

– Я почти уверен, что у Дарка его нет. Боюсь... Боюсь, любимая, что нашего

сына нет более совсем.

– Ты тоже... – в голосе драконы прозвучало горе. – Ты тоже так думаешь...

– А кто ещё?

– Тайга меня успокаивает, а в глазах – то же самое, что и у тебя. Смерть.

Он с болью погладил свою жену.

– Так бывает, Аракити. Каэл не первый наш сын, познавший смерть...

– Но он был так мал! И за что? Просто очередная игра на повышение акций?!

Это стоит смерти младенца, Скай?

– Смерть НИЧТО и НИКОГДА не может оправдать, Аракити. – сурово ответил

Диктатор.

– Но есть случаи, когда смерть нужна. Я решил убить их обоих.

Она встрепелулась, и её золотые глаза вспыхнули тем же светом, что и глаза её мужа.

– Наконец! Я лечу с тобой.

– Нет. Они уже доказали, что способны принести честь в жертву честолюбию.

Я не намерен рисковать тобой, любимая.

Аракити хотела возразить, но замолчала, посмотрев Скаю в глаза. Это выражение она знала отлично – за ним всегда следовали крики воинов, лязг мечей, и беззвучный, всё сжигающий на своём пути свет от термоядерных взрывов.

Она молча смотрела в глаза своего дракона.

– Будь осторожен... – только и произнесла Аракити, жена Диктатора Ская.

– Мне надоело быть осторожным. – только и ответил император Галактики, Диктатор Скай.

8

– Ты стал совсем другим, Крылатый... – печально сказал Дарьяка, сидя у костра, и наблюдая за богом, который стремительно работал на компьютере. Зорги больше не жили в пещере – после того, как Ветер исполнил первую часть своего плана, он перевёз всё племя на новую базу, бывшую гасиенду сеньора Идальго. Но привычки были сильны, и полсотни оставшихся в живых зоргов, как и раньше,

поселились в бараке, и грелись у костра. Дракон с болью следил за этим, но новые знания сказали ему, что так и должно быть. Что спешить – вредно, и не нужно.

– Да, Дарьяка. Я стал другим. – голос молодого бога был мрачен. Ветер не мог сравнивать, конечно, но за последние месяцы он стал так похож на Ская, что любой, видевший Диктатора, моментально узнал бы его сына.

– Я познал очень многое из того, что было от нас скрыто. И теперь я знаю про Господ, про мир, про то, откуда дует Ветер...

Дракон помолчал, и с неожиданной болью добавил:

– Но я не знаю, куда летят тучи, Дарьяка...

После чего он выключил компьютер, подошёл к костру, и опустился на пол возле него. Зорги прижались к богу, и Ветер укутал их своими уже сверкающими крыльями, закрыв глаза, и погрузившись в печальные размышления.

"Могу ли принести кому– то жизнь, а не смерть? Я был рождён повелителем мира. Другие повелители пытались меня захватить, и использовать как орудие. Совершенно случайно я попал к ним..."

Ветер с огромной теплотой улыбнулся, не раскрывая глаз, и ощущая, как тела зоргов прижимаются к нему в поисках тепла и безопасности.

"...И Тьяса дал мне новую личность. Я мог бы стать несущим жизнь... Я мог свернуть с пути хищника. Но мне не дали. ОНИ МНЕ НЕ ДАЛИ!"

Губы дракона искривила едва заметная гримаса ярости, показав олепительно белые клыки. В этот миг он так походил на Ская, что наблюдатель в страхе бежал бы от молодого и небольшого дракона, размером едва достигшего человека...

"Моего настоящего отца два года заставляли думать, что я в плену. А моего истинного отца убили, как ненужное животное. Именно ненужное. Я стоял в сотне метров от него, и ничего не смог сделать. Я – НЕ СМОГ!!! Я!!! ВЕТЕР!!!"

Гримаса превратилась в оскал, и зорги крепче прижались к дракону, ощутив его горе и боль.

"Я решил отомстить, уничтожив убийц. Я уничтожил их. И сейчас я вижу, сколь я смешон. Я хотел отомстить тем, кто убивал и угнетал зоргов – и не нашёл лучшего способа, чем убить их всех. И чего я добился? Мои зорги дрожат от ужаса, греясь в тепле костра. Я получил знания, вырвавшие меня на новый уровень

восприятия реальности – а они ничего не понимают, но прижимаются к своему Крылатому, и дрожат. Дрожат от страха, что придёт смерть. Что приду я..."

– Няма... Ты боишься меня?

Вождь повернул голову, и посмотрел в огромные глаза своего бога.

– Нет. Ты никогда не убьёшь никого из нас, Крылатый.

– Это так, Няма. Но ведь я убийца. Я хищник. Я убиваю тех, кто стоит на моём... – Ветер усмехнулся – ... и вашем пути. И буду убивать.

Зорг закрыл внутренние веки, и посмотрел в костёр.

– Вспомни, что говорил Тьяса, Крылатый. Ты – вершина Скалы, и ты выбираешь свою добычу сам. Так и должно быть. Так устроили жизнь боги. Вы устроили, Крылатые.

– Как могу я назвать себя богом, если не несу ничего, кроме смерти?

– Боги бывают разные.

Ветер вздрогнул, и надолго задумался.

– Да, они бывают разные, Няма... И я уже знаю, к какому типу отношусь.

– Ты добр к нам, Крылатый. Ты спас нас... – тихо сказала Няка, пытаясь поднять настроение опечаленному дракону.

– Я спас вас от смерти, которую несли враги. Я уничтожил врагов. Но дал ли я вам хоть что–нибудь? Тьяса дал вам надежду! А я не оправдал её! Я не стал богом! Я стал смертью! – Ветер тяжело дышал, и зорги невольно жмурились от страха. Но не отодвигались.

– Ты тоже дал нам надежду, Крылатый. – твёрдо сказал Няма. – Ты дал нам надежду пережить Зиму.

– И ты дал нам нечто... нечто... Я не знаю, как это назвать. Но даже если ты уйдёшь, я больше не смогу вернуться в пещеру, и трепетать перед Господами. Лучше умереть, чем влачить подобную жизнь! – Няму трясло, он ничего не понимал. Вновь, как той ночью, он говорил словно за другого. Он ощущал совершенно новые, непонятные ему чувства. И не знал, что с ними делать.

Зато Ветер знал. Он открыл глаза, и с изумлением посмотрел на молодого вождя.

– То, что ты чувствуешь, называется "гордость", Ньяма... – прошептал бог.

– Гордость?...

– Да. Ты понял, и ощутил, и осознал, что зорги – это не мситри. Что вы имеете права на большее. Но ты пока не знаешь, насколько ты прав. Зато знаю я. И научу вас.

Апатию Ветра как рукой сняло. Он засмеялся, и всё племя неуверенно переглянулось – они почувствовали волну бодрости, исходившую от дракона.

– Ты ощутил гордость, Ньяма! – крикнул Ветер, и подхватив зорга, принялся кружиться по бараку, радостно смеясь.

– Тьяса не проиграл, Ньяма! Он сумел сделать меня Крылатым!

Зорги ничего не понимали, но начали неуверенно улыбаться, видя радость своего бога. А Ветер поставил Ньяму, закрыл глаза, и около минуты неподвижно стоял в отблесках костра. После чего встрепенулся, и посмотрел в окно, где холодный ветер гнал тучи ко красному небу.

– Ньяма! Пойдём со мной!

Зорги вышли во двор, и невольно сжались от холода. Но дракон только рассмеялся.

– Садись на меня!

От изумления Ньяма отступил на шаг.

– Что?

– Садись на меня! И познай СВОБОДУ, как ты познал гордость!

И хмурое небо приняло в себя ликующего дракона, и кричащего от восторга зорга, и поглотило их, дав свою власть, сделав братьями на века.

***

– Почему нет никаких известий от Хуана Лавьяды? – могучий чёрный дракон смотрел с экрана на столь же чёрное, скелетоподобное лицо Маримбы Мбонги. Худой и высокий партнёр дона Педро в душе дрожал от ужаса, и по задней стороне шеи

струился пот. Но годы весьма специфической работы научили его контролировать эмоции, и сейчас он всеми силами держал себя в руках, стараясь казаться невозмутимым.

– Я не знаю, Дарк. Он исчез неделю назад.

– А Педро?

– Он тоже исчез. Но Педро забрал всех своих парней, и половину моих. Я думаю, он отправился искать Хуана.

"Я знаю, куда он отправился... О духи предков, дайте мне силы выдержать, и не показывать ему... Я не хочу к Педро!"

Дракон задумался на мгновение, потом посмотрел на Мбонгу, и быстро спросил:

– Кто и за сколько?

Маримба взрогнул от неожиданности. Дарк это заметил.

– Нашли! Вы нашли его!

Теперь Мбонга вздрогнул куда сильнее, и дракон жестоко расхохотался.

– Стой на месте, МЕРТВЕЦ. Я скоро.

Маримба завыл от ужаса, и бросился наружу. Он успел сесть в машину, когда раскололось небо, и ослепительный луч красного света ударил в степь, моментально образовав из себя огромного дракона, столь чёрного, что он казался силуэтом на фоне кровавых туч. Диктатор Дарк разорвал связь с внепространством, и луч погас. Мбонге показалось, что наступила ночь – столь много света и тепла забрал с собой луч...

Под вой ледяного ветра дракон подошёл к оцепеневшему от ужаса человеку, и одним взглядом обратил крышу машины в атомарный газ. Сила вытащила Маримбу из обломков, словно рыбу на крючке, и подвесила перед огромными жёлтыми глазами Диктатора.

– Где? – слово прозвучало, словно ледяной таран, и прибило Мбонгу к земле.

– Я не знаю! Не знаю!!! Это не я!!! Это Педро! Он нашёл его! Не я!!! Нет!

– Где Педро?

– Он пропал два дня назад, когда хотел захватить его! Почти все мои люди тоже пропали! Я хотел позвать тебя, Дарк! Клянусь! Но Педро не разрешил! Он

угрожал мне, Дарк! Он хотел предать тебя! Я не предавал! Это Педро, это он!

– ДВА ДНЯ НАЗАД?! И ты НЕ ПОЗВОНИЛ мне?!!

Мбонга завыл. Дарк провёл ещё около пяти минут, выясняя подробности, после чего ликвидировал следы крови на траве и взмыл в воздух, направившись к гасиенде сеньора Идальго.

9

– Скай!

Диктатор резко повернул голову. Его самый лучший и старый друг, Диктатор Драко, быстро шёл к нему. Аракити тоже повернула голову.

– Драко? Что произошло?

– Дарк на Мортаре!

Пауза. Тишина. И мрачный голос.

– НАШЛИ.

– Я вызову всех.

– Да.

Драко исчез, а Скай поцеловал свою возлюбленную, и стремительно покинул зал заседаний. Двигаясь по направлению к ангарам, Диктатор мрачно улыбался, и от этой улыбки сотрудникам правительства, встречавшимся на пути, становилось страшно.

В ангаре уже стояли Драко, Тайга и Винг. Скай приветствовал их энергичным кивком.

– Где остальные?

– Сумрак отправился за Викингом.

– Мы не будем ждать. Они знают, куда лететь. В корабль!

Диктаторы быстро заняли места в своём, знаменитом на всю Галактику корабле "Шторм". Скай, который начинал пилотом этого самого корабля, стремительно отвёл его от грандиозной космостанции, и экипаж призвал свою силу,

моментально перенесся километровый стальной трезубец на орбиту Мортара.

– Тайга, оствайся в корабле, и жди вызова. Ты заберёшь малыша.

Непостижимо прекрасная фиолетовая дракона молча кивнула, и Драко, поцеловав её, присоединился к Скаю и Вингу. Три Диктатора переглянулись, и сместились на поверхность планеты.

– Драко, где он?

– Мои агенты сообщили, что Дарк неожиданно прилетел сюда, некоторое время находился на отдалённой ферме некоего Мбонги, и улетел в неизвестном направлении.

– За мной!

И лишь загремел безжалостно рассекаемый воздух, когда три раскалённые стрелы – золотая, синяя и красная – вонзились в него, не обращая внимания на тучи и ледяной ветер.

"Что это за животные?" – с интересом думал Дарк, осматривая кучку зоргов, которые молча сидели у костра. Невидимый, Дарк уже около часа стоял во дворе гасиенды, ожидая возвращения цели своих долгих поисков. Его зрение немедленно объяснило дракону, куда делся молодой сын Ская, и Дарк принял решение подождать.

"Они разумны... И симпатичные. Странно. Я никогда не слышал, что на Мортаре есть аборигены. И рисунок их кожи мне что– то напоминает..."

Подумав так, Дарк сразу сообразил, кто перед ним, и ужаснулся.

"О боги, это же зорги! Так они разумны?! И эти подонки разводят разумных обитателей на кожу! Люди... ЛЮДИ!!!" – Дарк ненавидел людей. Так ненавидел, что отказывался решать проблемы планет Консолидации, где жили люди. И предоставлял эти дела Мраку.

"Жаль, сейчас не время... Надо заняться этой планетой, и срочно. Скажу Мраку. Людей вырезать, на кожу пустить... Точно, так и сделаю. Аборигенов подтянем, и ещё одна раса в нашей семье. Но сначала надо поставить на место Ская. Он слишком много берёт на себя. Мало того, что я согласился не убивать его жену, эту ведьму... Он продолжает давить, и уничтожает последние островки свободы в Галактике. О, если малыш и правда Диктатор – то это победа. Став на мою сторону, он навсегда поставит Империю на место! И Скай ничего не сможет поделать... Сын, как– никак..."

Дарк жестоко усмехнулся. Его собственные дети не обладали способностями отца. И хотя все они были выдающимися драконами, Дарка это не утешало. Особенно когда его сын Крауд поступил в специальный отряд Империи, известный под именем СС. Дарк никогда не простил этого, и считал сына мёртвым.

"Хотя, с другой стороны... Мрак ведь в худшем положении, чем я. У него есть сын – Диктатор..."

Которого звали Викинг, и который послужил главной причиной тому, что Мрак стал ближайшим другом Дарка. Они отлично понимали друг друга... И план похищения маленького сына императора принадлежал именно Мраку.

"Пусть Скай почувствует себя на моём месте" – мрачно заявил он, и Дарк кивнул. Тогда, три года назад, это казалось правильным. Сейчас, когда пламя войны уже бушевало, Дарк был просто вынужден продолжать...

"О боги, я не хотел войны... Я хотел независимости от диктатуры Империи! Я хотел, чтобы мы сами решали свои проблемы, не вызывая мрачного императора и его команду убийц. Но ничего не вышло. Моя Консолидация – это просто уменьшённый вариант Империи. А теперь ещё и война... По моей вине, причём."

Могучий разум древнего воина заставлял Дарка испытывать двойственные чувства. Он был очень умным и рассудительным правителем, понимавшем, что война не несет ничего кроме крови и проблем. И ещё он был воином, со стажем в тысячи лет постоянных сражений, драконом, хищником. Эта половина трепетала в предвкушении бойни, жадно вдыхала солёный запах крови, властно требовала к себе внимания. То было проклятие всех Диктаторов – их биология и психика принадлежали хищным драконам, в то время как разум давно достиг более высоких ступеней. Чем лучше мог дракон себя контролировать, тем более сильным Диктатором он был.

А в этом смысле Дарк превосходил Ская. Его способность держать хищника внутри была выдающейся. Только Дарк, Винг, и Тайга, умели сдерживать свои порывы практически в любом случае. Остальные Диктаторы могли придти в ярость, и потерять контроль над собой. Так уже бывало, когда Скай в бешеной ярости уничтожил целую звёздную систему, в которой люди охотились на драконов. Диктатор эвакуировал свою расу, и методично взорвал одну планету за другой, не

обращая внимания на полные ужаса вопли всей Галактики, и его друзей в том числе...

"И он удивляется, почему его ненавидят! Скай великий дракон, несомненно, но подобные ему вожди непригодны для мирного правления. Он – это воплощённая Война... Как и все мы."

"Да, мы тоже убийцы. Как и он. Мы – Диктаторы, те, кто правит слабыми, навязывая им свою волю. Мы не имели бы права на это, желай мы власти или личного удовлетворения. Но к счастью, сама личность Диктатора отвергает подобную возможность. Глупый, самовлюблённый, эгоистичный – просто не сможет повелевать Нашей силой. Сила даёт ответственность. Сила даёт Власть, а что такое Власть – знают все. Она развращает, и тем сильнее, чем ближе она к абсолютной. Другими словами, к нашей..."

"До сих пор Диктаторы несли мир и порядок. Мы уничтожили рабство, боремся с предрассудками, пытаемся покончить с понятием Войны. Но всё меняется. Последние годы сильно сместили акцент. Я сам начал политическую афёру, с целью лишь усилить влияние своей собственной фракции. И добился войны. Мы превращаемся из силы, несущей контроль и порядок, в политическую силу. Мы перестаём быть Диктаторами – и становимся Повелителями, теми, кто правит ради власти, а не ради тех, кем правишь..."

"И я не вижу выхода. Скай, я, остальные – мы достигли пика, и неизбежно начинаем путь вниз. Не помню кто, но сказал: "Все дороги с вершины ведут вниз." Мы стоим на вершине. И куда бы мы не пошли, это будет ДОРОГА ВНИЗ, к основанию..."

"Сотни тысяч лет разумные существа придумывали себе идолов. Их называли богами, дьяволами, духами... Думающий мозг сознаёт своё несовершенство, и стремится достичь идеала. Которых нет, не было, и быть не может. Уж ЭТО мы знаем отлично..."

"Мы – это почти боги. Мы практически соответствуем определению бога в примитивных религиях людей, и весьма близки к понятию Абсолютной Силы в древних религиях драконов. И что? Можем ли мы сказать, что несём добро?"

– Нет... – прошептал Дарк, слушая вой ветра, и глядя на кровавые тучи.

"Понятия "Добра" не существует, как и "Зла". Мы стоим на вершине, мы

сильнее всех. И только поэтому мы и стоим на вершине. Не потому, что мы лучше – просто мы сильнее. И так было всегда. Одни доминируют над другими. Изначально то были цепи "хищник– жертва", существующие и поныне. Потом, по мере развития разума, они уступили первенство цепям "Приспособлен– неприспособлен". Ещё позднее наступило время, когда доминировать стали умные, выдающиеся над посредственными..."

"А мы? Мы – это прыжок на самую первую ступень. "Сильный– слабый". Вот кто мы такие. И то, что до сих пор Диктаторы объективно несли мир и порядок, ничего не значит. Когда судьба слабых зависит от настроения сильных, это не "порядок" как мы его понимаем. Это именно диктатура – и не зря, не зря Рэйдэн назвал нас Диктаторами тогда, миллион лет назад..."

Дракон мрачно смотрел в костёр, лёжа на красной траве рядом с ничего не подозревающим племенем. У него было отвратительное настроение, потому что Дарк презирал самого себя, презирал за то, что собирался сделать.

А собирался он использовать свою могучую силу для подавления личности сына своего врага, и привлечения его на свою сторону. Только он, Скай, и Винг были способны на подобное.

Но он первый решился на подобную подлость.

10

Они летали много часов, и Ньяма понял, что есть свобода. Он и его бог кричали от наслаждения, ибо видели Солнце!

Ведь Ветру ничего не стоило взлететь выше туч... Что он и сделал, паря в пурпурном небе планеты Мортар, над безумными скалами кровавых облаков, в красных лучах умирающей звезды.

– Это свобода? – спросил Ньяма своего... нет, никакого не бога! В тот день они выросли из колыбели, познав гордость и свободу. Им более не были нужны костыли, именуемые богами.

Ньяма спросил ДРУГА. И Ветер, сын Ская и Тьясы, ответил:

– Да, друг. Это и есть свобода.

Зорг помолчал, глядя на Солнце глазами, из которых текли слёзы.

– Он так и не узнал этого.

– Нет, Ньяма. Он знал это лучше нас обоих. Он жил так. Ему не были нужны крылья, чтобы познать свободу...

– Так почему же он был столь несчастен? – плача, спросил Ньяма. Ветер повернул к нему свою прекрасную голову, и зорг увидел, как из золотых глаз текут слёзы.

– Он жил, Ньяма. Он жил в этом мире. Не на вершине скалы. Он жил в Основании. Там, куда не светит Солнце... Там, где дует Вечный Ветер!

– И на нём, на таких как он держится Скала. – эти слова вырвались из самой глубины Ньямы, и он с изумлением осознал их правдивость. Могучий дракон внимательно посмотрел на маленького зорга, и улыбнулся.

– Да, друг. Ты понял и это. Никакие мы не боги, Ньяма. Мы – вершина скалы. Красивая и могучая вершина, покрытая снегом... красным снегом. Когда я познавал мир с помощью той машины, я видел одну гору, Ньма. В далёком, далёком мире. Она носила название Фудзияма, и была она столь прекрасна, что жители того мира сделали её символом красоты природы. Мы – это снежная, прекрасная вершина Фудзиямы. Убери нас – и гора лишится красоты.

Он помолчал, паря в потоке ветра с его скоростью, и впервые в жизни Ньяма узнал, что такое – "нет ветра".

– Но гора останется стоять, Ньяма. Уродливая и отталкивающая гора, на могучем и ещё более некрасивом скальном основании.

Зорг замер. Его мозг трепетал от понимания.

– Ты хочешь сазать... Ты хочешь сказать?!...

– Именно, Ньяма. Вы гораздо важнее нас. Маленькие, слабые, робкие... И мы, могучие, огромные, бесстрашные... Исчезни мы – и вам станет только лучше. Исчезни вы – и нас ждёт смерть.

– Но это не так! – в отчаянии закричал Ньяма. – Нет! Крылатый, вы тоже нужны! Без вас из мира уйдёт красота, песни, радость! Зачем нам жить, если нельзя

будет любоваться недостижимым, и мечтать о нём?!

– Это нам надо мечтать о вас, Ньяма. Я мечтаю приблизиться к Тьясе, узреть мир его печальными глазами... И несусь смерть. Как можно мечтать о смерти, Ньяма?

– Ты не смерть! Ты Крылатый!

– НЕТ! Я Дракон! Я – это невероятно прекрасная смерть на сверкающих крыльях, вот что я такое. А вы – это нежная, робкая жизнь, дрожащая от страха передо мной...

Ветер плакал, а Ньяма потрясённо качал головой.

– Но... Но это не так, Крылатый... Не так! Не так! Не так!

– А как? – прошептал дракон мёртвым голосом.

– Не ты виноват, что так устроена жизнь!

– Не я? А кто?! Кто ваш бог, Ньяма? Крылатый! А кто я?

– Ты – Ветер! Дракон Ветер, а не бог! И нет никаких богов!!! – от крика у Ньямы перехватило дыхание, и он покрепче ухватился за золотые рога своего друга.

Который очень долго ничего не говорил. Они парили на широких крыльях Ветра над кровавыми пиками туч, и молчали, думая каждый о своём. Ньяма потрясённо закрыл внешние веки, пытаясь осознать крушение всех своих мечтаний. Ветер потрясённо закрыл глаза, ибо только сейчас окончательно уяснил для самого себя, кто он такой. Так прошло много времени, и наконец дракон медленно произнёс:

– Да, богов нет, Ньяма. Ты понял даже это. Но разве мне станет хоть каплю легче, от того что нет никого, виновного в подобном положении дел? Я останусь хищником, и до конца дней своих буду жить, отнимая жизни других. А конец не придёт, ибо драконы бессмертны. Теперь ты понял, кто из нас несчастен, Ньяма..? Тьяса видел это! Он берёт меня от правды, он учил меня, что так и должно быть, что нет никакой несправедливости в жизни! Он хотел дать мне счастье, Ньяма! Но другие хищники отняли у него единственное, что он имел – жизнь. И более того, они отняли у Тьясы меня. Крылатого больше нет, Ньяма. Крылатый умер в ту ночь! Я – Ветер. Дракон Ветер.

Синий дракон Ветер и зорг Ньяма парили в кровавых лучах умирающей старой звезды, над красными тучами, которые скрывали от них красную, словно покрытую кровью, поверхность мрачной, холодной планеты Мортар.

И дул Вечный Северный Ветер.

***

– Ветер, это машины людей? – спросил Ньяма, указывая на три огненных следа, прочертивших тучи далеко внизу.

Дракон проследил взглядом за ними, и взрогнул.

– Нет, это не люди. У нас меньше времени, чем я думал... Ньяма, ложись мне на спину, обхвати за шею, и держись!

Зорг тихо застонал от ужаса, но поступил как просил его друг. И Ветер рванулся вниз, набирая скорость с помощью своей силы, и со свистом рассекая тучи по направлению домой. Ньяму прижало к спине дракона, он закричал от страха и восторга одновременно.

Ветер спикировал к самой земле, и понёсся на высоте не больше десятка метров. Как он знал, в этом случае радарам труднее обнаружить летающий объект.

"Мне нужна только пара часов – отвезти племя подальше... А потом посмотрим, кто тут Диктатор!"

Они мчались домой, и ветер с воем уступал им дорогу.

***

"Они ещё не нашли меня. Это хорошо. Я могу и успеть" – дракон стремительно приземлился во дворе гасиенды, и крикнул:

– Быстрее! Сюда!

Зорги выбежали из барака, дрожа от страха при виде лиц своих вождей.

– Скорей! В машину! Я отвезу вас в пещеру, на некоторое время. Потом я вернусь. Быстрее!

Ветер нетерпеливо хлестал себя хвостом, глядя, как племя размещается в большом грузовике. Затем он вскочил в кабину, и рванул машину в небо.

"Хорошо, что я ещё маленький..." – усмехнулся дракон, сидя на неудобном человеческом сидении, и пытаясь пристроить хвост. Сложенные крылья едва давали возможность облокотиться. Ветер был возбуждён. Пришло время встретиться с повелителями этого мира, и заявить о своём месте среди них.

"Интересно, мой отец там?"

– Конечно, он здесь... – сам себе ответил сын Ская, выжимая из флаера всё, на что тот был способен.

– Кто, Ветер? – Ньяма сидел рядом с ним, и недоверчиво следил за летящей навстречу степью. На драконе летать было приятнее...

– Мой отец, Ньяма. Диктатор Скай. Повелитель этого мира.

– Крылатые прилетели?! – в восторге спросил зорг.

Ветер улыбнулся весьма странной улыбкой.

– Да, друг. Крылатые прилетели.

***

Он высадил своих друзей около пещеры, и наказал не покидать её некоторое время. Ньяма тоже остался там, несмотря на его умоляющие взгляды. Ветер последний раз обнял своих зоргов крыльями, и пару минут молча смотрел на сбившихся в кучу, и дрожащих хозяев планеты.

– Я вернусь, друзья. Я вернусь... – но он знал, что может не вернуться. И не хотел, чтобы зорги тоже это знали.

Он любил их. Как Тьяса.

11

Он отвёл машину в степь, подальше от пещеры. Вышел, вдохнул холодный воздух. Расправил крылья, и посмотрел вверх.

– Ну чтож, Крылатые... Поговорим.

– Отличная мысль.

От неожиданности Ветер подскочил, и обернулся. За спиной, в кошачьей позе, на траве лежал колоссальный чёрный дракон. Ветер впервые видел дракона, и невольно отступил на шаг – ибо что– что, я впечатление Дарк производил не хуже Ская.

Он был могуч, как гора, и чёрен, как ночь. Под сверкающей антрацитовый чешуёй перекачивались глыбы мышц, а угольные крылья были бугристыми от невероятно развитой мускулатуры. Не уступая размерами Скаю, Дарк вдобавок увлекался спортом, что и было понятно при первом же взгляде.

Руки Дарка не уступали по толщине телу Ветра, а ноги превосходили его раза в два. Сын Ская смотрелся рядом с исполином, словно кошка рядом со львом.

И огромные жёлтые глаза Диктатора Дарка смотрели на Ветра, как на добычу.

Немного оправившись, молодой дракон принялся лихорадочно искать выход из положения.

– Ты кто? – спросил он, чтобы потянуть время.

– Меня зовут Дарк. Я Диктатор Консолидации. Твой новый друг.

– Друг? – никакой план в голову не лез. Ветер с ужасом понял, что просто не справится с Дарком.

– Да, друг. Я спас тебя от смерти три года назад.

– Не надо, Дарк. Я знаю, что это ты напал на корабль, где летел я.

Чёрный дракон на мгновение замер. Но только на мгновение.

– Наоборот. Я спас твою мать. На вас напал предатель, из Диктаторов твоего отца.

– Кто?! – на мгновение удивление заслонило для Ветра игру Дарка. Но только на мгновение.

– Его зовут Сумрак, и Скай думает, что он его верный друг. Но на самом деле...

Дракон печально покачал головой, которая была больше, чем весь Ветер.

– Я искал тебя три года, Каэл. И нашёл только сейчас.

– Как ты меня назвал?

– Каэл. Это имя дал тебе отец.

– Откуда ты знаешь?

– Я его друг. Он просил меня искать тебя.

Ветер едва не рассмеялся. Дарк считал его неразумным ребёнком. Это могло стать выходом из положения...

– Но почему ты не мог найти меня раньше?! – с гневом спросил Ветер, внимательно следя за эмоциями дракона.

– Я не знал даже, что зорги разумны. Неужели ты думаешь, что мы – я и твой отец – позволили бы снимать кожу с разумных обитателей?!

Сейчас Дарк говорил чистую правду. Он просто кипел от возмущения, и Ветер понял, что дракон не лжёт.

– Они не просто разумны. Они добрые, ласковые, умные... И несчастные!

– Уже нет, Каэл. Я узнал про это преступление. Всё, больше его нет. Можешь мне верить.

– Меня зовут Ветер.

– Не понял?...

– Меня зовут Ветер, не Каэл.

Дарк усмехнулся.

– Нет, парень, не выйдет. Ты копия Скай. Можешь не пробовать.

– Я сын Ская, Ветер.

– Ты сын Ская, Каэл.

– Нет. Хватит об этом. Дарк, где мой отец?

"А он и правда сын Ская..." – подумал чёрный дракон, усмехнувшись.

– Он в своём дворце, далеко отсюда.

– Тогда кто это?

Диктатор обернулся столь стремительно, что хвост рассёк воздух со свистом. Мгновение – и поняв, что попался на самый примитивный трюк из всех возможных, Дарк в гневе обернулся обратно.

Ветер исчез. Несколько мгновений Дарк пытался осознать это, а затем взревел, как дракон.

"Невозможно! Этот... пацан! Куда он делся?!"

Дракон вскочил, и дал волю своему зрению Диктатора. Он просканировал степь во всех диапазонах, проверил небо, и несколько метров в глубину.

"Невозможно!!! Куда он мог пропасть?! Как я, Дарк, мог упустить этого сопляка?!"

– Каэл, лучше покажись сам. Не надо меня злить.

"Неужели он уже освоил телепортацию?! Но ведь ему только девять лет! Это просто смешно. Даже Скай... Да, но ведь это его сын... О боги, неужели я упустил его?!"

– Каэл! Где ты, чёрт возьми?!

"Нет, не может быть. Не может, и всё! Хорошо, может. Теперь – что теперь?! Как его достать раньше Ская?!"

– Каэл, слушай меня. Я знаю, ты слышишь. Сейчас я полечу в пещеру к зоргам, и стану их поджаривать на костре, пока ты не появишься!

Молчание, и свист ветра. Потом гневный голос.

– Ты этого не сделаешь, Дарк!

"Ага, малыш, попался... Ну до чего просто с героями разговаривать..."

Чёрный дракон повернулся к дрожащему от ярости Ветру, который спикировал из- за туч.

"А парень силён... Освоил– таки телепортацию!"

– Малыш, ты почему от меня убежать хотел, а?

– Дарк, предупреждаю. Не становись на моей дороге. Хуже будет.

– Ага, вот и Скай заговорил. Ну так что, парень? Давай. Посмотрим, что ты умеешь.

Могучий чёрный дракон навис над маленьким синим, как гора. И тогда Ветер засмеялся, и исчез. От неожиданности Дарк вздрогнул.

"Как это он?"

Дракон был могучим Диктатором, но Ветер делал всё не так. Он не проходил обучения, и ничего не знал о силе.

– Дарк, обернись.

Как ужаленный, дракон повернулся – и от изумления сел на хвост. На него смотрели пять Ветров.

– Парень, ты с этим не шути. Прыжки во времени – опасная штука! – с тревогой предупредил Дарк. Он не на шутку испугался. Этот малыш – полноценный

Диктатор, но ничего не знает о своей силе. И может запросто погибнуть!

– Я последний раз говорю. Уйди с моей дороги! – все пять драконов говорили хором. И Дарк рассмеялся.

– Да ну? – и четыре Ветра испарились, как дым. Настоящий же обнаружил, что не в силах пошевелится.

– Каэл, послушай. Я тебя тоже последний раз предупреждаю. Ты ничего не знаешь о своей силе. Ещё одна такая выходка – и я тебя накажу.

– Убей меня, чудовище!

– Убить?! Ты что – придурок? Да я эту планету скорее взорву, чем тебя поцарапаю.

Ветер замер, и его губы тронула улыбка.

– Спасибо за предупреждение, Дарк.

И чёрный дракон ощутил, как его сила схлестнулась с потоком мощи от Ветра. Дарк шутя заблокировал все способности молодого Диктатора, и рассмеялся.

– Ну, пошутили, и хватит. Ты летишь со мной, Каэл.

– Нет!

– А я тебя не спрашиваю, малыш. Я никого и никогда не спрашиваю. Это первое, что ты должен запомнить.

Дарк призвал свою силу, и на поверхности возник мрачный космический корабль размером с гасиенду.

– Познакомся, твой новый дом.

– Дарк, отпусти меня!

– О. Вот это другой разговор. Не могу я тебя отпустить, малыш. Поверь мне, хочу – но не могу. Твой отец меня почти победил. И ты станешь тем козырем, благодаря которому я не останусь в проигрыше.

– Прошу! У меня есть очень важное дело!

– Знаю. И уже сказал тебе – с зоргами всё будет в порядке. Я перережу всех людей, и наполню планету техникой.

Ветер в ужасе посмотрел в горящие глаза победителя.

– Это нельзя делать! Ты уничтожишь их культуру!

– Что ценнее, жизнь или культура?

Крылатый замолчал, пытаясь найти выход из положения. А Дарк поднял его, и направился к кораблю.

Который расплылся лужей кипящей жидкости, и исчез. Чёрный дракон замер, а потом сбросил с плеча Ветра, и пробил атмосферу огненным лучом, исчезнув в Космосе.

"Что? Что это было?!"

– Быстрее, малыш. Они сейчас вдвоём прилетят, и тут такое начнётся... – невероятно красивый и мускулистый золотой дракон провёл крылом над Ветром, и тот вскочил.

– Кто ты?

– Меня зовут Драко, я друг твоего отца. Настоящий. Хорошо что этот гад не причинил тебе вред, потому что иначе...

Небо расколосось, и оттуда упали два луча слепящего света – красный, и жёлтый. Достигнув земли, они превратились в Дарка и мрачного, приземистого дракона бронзового оттенка. Драко поднял взгляд, и отодвинул Ветра крылом, выходя вперёд, и загораживая его собой.

– Каэл, улетай!

– Нет, стой. – Дарк стремительно двинулся вперёд, мрачный дракон – рядом.

***

– Драко, отойди. Не стой у меня на пути.

– Дарк, ты не получишь ребёнка.

– Ты мне не мешаешь.

– Посмотрим?

Второй дракон шагнул вперёд.

– Драко, будь благоразумен. Нас двое, и каждый из нас сильнее тебя.

– Мрак, неужели ты всё забыл?

– Нет. Я всё помню. Но мы по разную сторону стены, Драко.

– То был твой выбор, Мрак.

– Нет. Как и всегда, то был выбор Ская.

Золотой дракон нахмурился.

– Скай ни причём. Ты сам предал нас, и присоединился к нему!

– Мне не оставили выбора. И Дарк прав. Он несёт свободу, а ты и Скай – рабство!

Драко в гневе зарычал.

– И это говоришь ты?! Ты, который сражался с нами крылом к крылу против рабства!

– И проиграл. Отойди, Драко. Не заставляй меня превратить разговор в бой. Который ты проиграешь.

Золотой дракон молча стал на пути Мрака.

– Никогда. И ты знал это раньше, чем начал говорить.

– Жаль. – произнёс Дарк, и расправил крылья.

***

Ветра швырнуло на траву от грохота. Два потока силы, столкнувшись, породили огненный шар размером с дом. Мрак стоял в стороне, и хмуро следил за сражавшимися.

Драко ударил врага всей мощью своей силы, отбросив Дарка на сотню метров назад. Воздух дрожал, и в нём плясали молнии от напряжения сил. Ветер в ужасе наблюдал.

"О боги, и я надеялся на что– то?! Против НИХ?!"

Оба Диктатора стояли неподвижно, и только пылающие яростью глаза могли бы сказать, что они ведут бой. Сражение шло в небе, и тучи раздирали пламя, сотрясая землю от грома. Несколько минут ничего не менялось, потом на лице Дарка появилась улыбка, а на лице Драко – ненависть.

– Ты проиграл, Драко – мрачно заметил Дарк, наступая на золотого дракона.

– Ты не пройдёшь!

– Я уже прошёл!

– Нет. – голос ударил неизвестно откуда, и Мрак резко обернулся.

Прямо из воздуха вышел стройный красный дракон, и на лице Мрака

отразился страх.

– Винг!

– Да, это я. Не ожидали?

Драко и Дарк, тяжело дыша, остановили бой, и повернулись к красному дракону.

– Ты! Не лезь! Это наше с ним дело, мы знаем друг друга тысячи лет!

– Это не повод для войны. – твёрдо заметил Винг.

– Винг, ты действительно ничего не знаешь – сурово сказал Мрак. – Мы много лет ждали случая, подобного этому.

– Вы много лет ждали случая убить Драко? – мрачно поинтересовался красный дракон, и внезапно наступила мёртвая тишина. Унялся ветер, замерли тучи. Мир ОСТАНОВИЛСЯ. Ветер порясённо огляделся, начиная понимать, что этот не слишком впечатляющий (на фоне Дарка и Драко) дракон просто взял, и остановил время!

Мрак тоже огляделся в изумлении.

– Неплохо, Винг... – заметил он с досадой. – Очень неплохо...

– Мрак, ты прав, и я относительно новый в вашей игре. Но это не значит, что я позволю кому–нибудь убить любого другого. А тем более, моего друга.

Дарк мрачно смотрел на красного дракона, в то время как Драко, обессилев, опустился на траву. При виде этого, на лице Винга отразилась ярость.

– Я объявляю Консолидацию аннексированной в пользу Империи. Вы больше не являетесь политической единицей. Всё. – и Винг отвернулся, подойдя к Драко, и помогая ему встать.

– Ты не можешь этого сделать, Винг – дрожа от бешенства ответил Дарк. – Только Скай может дать такой приказ!

– Тогда спроси его сам – не оборачиваясь, ответил красный дракон, и время вновь пошло. Завыл ледяной ветер, по хмурому небу помчались тучи.

Но никто этого не заметил.

12

Ветер с тревогой посмотрел на замерших Диктаторов, и повернул голову в ту сторону, куда все они смотрели.

И сразу понял, почему они замерли.

Ибо на равнине, под кровавыми тучами, стоял император Галактики, повелитель планет и звёздных систем, самое могущественное живое существо во Вселенной – Диктатор Скай.

Его отец.

Выл ветер, но никто это не слышал. Все просто смотрели на Диктатора. И в тот миг Ветер понял, почему Скай уже сто тысяч лет правит миром.

Дракон стоял в свободной позе, чуть распутив крылья, и слегка изогнув хвост. Он так сверкал синим, что казался сотканным из неба. Внешне Диктатор был весьма впечатляющим драконом.

Но меньше всего внимания Ветер обратил на внешний вид своего отца. Нет, молодой дракон посмотрел в его глаза.

И ощутил Власть. Скай излучал Власть. Он был настолько неоспоримо Диктатор, что даже никогда не слышавший о них моментально понял бы: перед ним император. Даже не король. Император. Скай дышал властью, она была видна во всём – и в позе, и в выражении лица, и даже в том, как отражался свет в его сверкающей чешуе.

Это был Диктатор Скай, повелитель Вселенной. И будь он одним во всём мире – он всё равно бы бы им.

– Дарк, ты перешёл черту.

Голос Диктатора напоминал рокот грома, и по спине Ветра пробежали мурашки. Он определённо не ожидал увидеть ТАКОГО Ская...

– Скай, я делал то, что считал правильным. И считаю.

– Пока ты делал так, я ничего не предпринимал, Дарк. Я мог раздавить тебя

сотни лет назад. Но не стал этого делать.

– Как ты добр, и великодушен.

Скай нахмурился.

– Дарк, ты нарушил кодекс чести, когда напал на мою жену.

– Ты дал мне шанс победить честно?

– Когда нет возможности честно победить, надо проиграть.

– Я не придерживаюсь такого мнения.

– И поэтому я говорю: Консолидации больше нет. Империя не нуждается в оппозиции, мы прошли тот этап. Ты не считаешься Диктатором. Твой статус – житель Империи. Не больше.

Дарк стиснул зубы.

– Это война, Скай.

– Я уже победил. Твой флот разгромлен. Викинг и Сумрак приняли безоговорочную капитуляцию от адмирала Стара.

Чёрный дракон вздрогнул.

– Ты лжёшь. Мой флот не уступал твоему по силе!

– Туда наведалась моя супруга, и помогла.

От ярости глаза Дарка засветились, словно два солнца.

– Аракити!

– Ты ведь её помнишь, не так ли? Не её ли ты хотел убить?

– У меня не было повода?

– Повод, которому миллион лет – не повод.

– Не для меня!

Скай внезапно рявкнул:

– А тебя не спрашивают!

Глаза чёрного дракона превратились в две щёлки.

– Скай, я вызываю тебя на дуэль до смерти!

Диктатор мрачно посмотрел на разъярённого Дарка, и спокойно ответил:

– Я не принимаю твой вызов. Слушайте. Я, Диктатор Скай, за подрывные действия против Империи приговариваю гражданина системы Ринн, Дарка, к высылке за пределы Галактики на неограниченный срок. Приговор вступает в

действие с момента оглашения.

Он посмотрел на дрожащего от бешенства чёрного дракона, и усмехнулся.

– Я вернусь, Скай! И в следующий раз ты не победишь так просто! – прорычал Дарк, сверкая глазами, и хлеща себя хвостом.

– Посмотрим. Исчезни, Дарк.

К изумлению Ветра тот так и сделал – зарывав от ярости, он превратился в луч света, и исчез.

А Скай обернулся к мрачно стоявшему в стороне медному дракону.

– Мрак, ты тоже проиграл.

– Я никогда не рассчитывал на победу.

– Тогда почему ты предал?

– Не я, Скай. Ты предал всё то, за что мы – МЫ, все вместе – боролись тысячи лет. Мы боролись за свободу. А ты превратил её в Диктатуру.

Синий дракон мрачно взглянул в лицо противника.

– Ты не понимаешь, что говоришь, Мрак. Я принёс мир и полный порядок. Ты и этот подлец – он кивнул в небо – вы принесли войны и конфликты.

– Твой мир и порядок можно найти в любой тюрьме, Скай. Там тоже все мирно живут за решёткой.

– А твою свободу можно сравнить со стаей волков. Там тоже все свободны убивать друг друга.

– Я предпочитаю волка на свободе ангелу за решёткой.

– Чтож, ты выбрал.

Мрак спокойно оглянулся на остальных, и сказал:

– Драко... Прости за всё, и прощай. И подумай, так ли уж прав Скай.

После чего медный дракон превратился в луч света, и исчез в небе.

А трое оставшихся обернулись, и посмотрели на Ветра. И улыбнулись.

– Сын. Я горжусь тобой! – Диктатор стелящимися по земле шагами приблизился к оробевшему Ветру, и положил ему крыло на плечо.

– Отец?.. – неуверенно спросил Ветер. И тогда суровый Диктатор рассмеялся, подхватил маленького дракона, и прижал к груди.

– Да, я твой отец, Каэл!

– Меня зовут Ветер – тихо ответил сын Диктатора. И Скай замер.

– Что это значит?

– Меня зовут Ветер, отец.

– Объясни.

Ветер вздохнул.

И объяснил.

13

Ветер завывал за окном дома, а внутри горел огонь. Несколько зоргов сидели у очага, и тихо пели песню о приходе зимы, которая торжествовала сейчас снаружи. Остальные расположились кто на ковре, кто за столом. Многие традиционно занимались резьбой по дереву.

Один из них, пожилой серо– синий центрий, выделялся выражением глаз. В них горела печаль, но совсем иная, чем у других. Ньяма, вождь народа зоргов, ждал.

Он ждал звонка из всё ещё непривычной машины, стоявшей на полке у окна. Хотя после ухода последнего Господина (– Нет! Человека! – поправил себя Ньяма) прошло почти полоборота, и на Мортаре воцарилась Зима, зорги всё ещё не привыкли. Они были сами себе хозяевами?! Невероятно!

Ньяма покачал головой, вспоминая те сумасшедшие дни, когда прилетели Крылатые, и УЗНАЛИ о зоргах. Люди были правы, говоря что боги не позволят им служить...

Зорг усмехнулся.

"Да, они не позволили. Они просто дали нам дома, много еды, волшебные травы для лечений – и забрали людей. И всё. Никаких богов не осталось. Есть зорги, люди, драконы... Но Крылатых больше нет. И я даже не знаю, хорошо это, или плохо..."

Он встряхнулся.

"О чём я думаю?! На нас охотились, нас использовали как кожу для одежды, мы были рабами! Мы вымирали. А теперь? Каждое племя имеет дом. Тёплый,

уютный дом. Мы больше не боимся Зимы. Нас уже в два раза больше, чем было
Оборот назад. Мы больше не должны собирать камни, и нас не убивают..."

– Да, это хорошо... – прошептал Ньяма, обнимая свою первую подругу, дочь
Тьясы по имени Льяка.

– Что хорошо, Ньяма? – спросила та.

– Всё теперь хорошо, хорошая моя. – улыбнулся зорг.

– А ты печален... – протянула его вторая, молодая и горячая Цьян, названная
так в честь матери.

– Это пройдёт, Цьян. Это пройдёт...

***

"Звонок! Наконец!"

– Ньяма слушает.

– Привет, друг!

– ВЕТЕР!

Они долго смотрели друг на друга в экран. Ньяма от волнения хлестал себя
хвостом, переняв этот жест у Крылатых.

– Ветер...

– Да, друг. Это твой Крылатый. Ну, как вы там?!

Огромный синий дракон, невероятно похожий на Ская, просто светился от
радости, глядя на маленького зорга.

– У нас всё хорошо, Ветер. Теперь совсем всё хорошо.

– Знаешь новости? Наш рейд обнаружил ещё одну планету, где люди держали
аборигенов в рабстве. Я думаю, что стоит объявить Земле эмбарго, и ликвидировать
все колонии людей в Галактике. Так и сделаю в ближайший месяц. Ну ладно, это
неважно. Что у вас нового? Так соскучился...

– А... А разве ты не прилетишь сам? – печально спросил Ньяма.

– Я? О, Ньяма, у меня столько дел... Ну как я могу прилететь?

В дверь дома сильно постучали, и зорги всполошились. Но Ньяма от радости
громко закричал, и бросился открывать. Замков на дверях не было, но мощный

дракон, который там стоял, и держал портативный видеофон, ждал приглашения, и улыбался.

– Ветер... Ветер!!! – Ньяма повис на шее Крылатого. Тот вошёл в дом, принеся кучу снега, порыв ветра, и свежего воздуха. Все жители повскакали с мест, и уставились на гостя, как тот разлёгся у очага, и довольно вздохнул.

– Ну вот, я и дома... – тихо сказал Диктатор Каэл Ветер, сын Ская, повелитель бывшей Консолидации, а ныне ареал– вождь Второго Ареала сектора 34.

***

Они целый день сидели у очага, пели песни, и были так счастливы, что и Ньяма, и Ветер даже плакали. Пожилой зорг сидел прижавшись к дракону, и боялся отпустить его. А Ветер всё рассказывал, рассказывал, хотя большую часть его рассказов зорги пока не понимали.

– И вот представляешь, Ньяма, прилетаем мы на базу, а нас Скай встречает, и знаешь что говорит? "Империи конец" говорит! Мы сначала подумали, шутит. Потом подумали, заболел. А он несколько лет разрабатывал новый вариант правительства, и никому ни слова ни сказал! Говорит, "Если бы не вышло – некому было бы смеяться". Но никто и не смеялся, особенно Винг. Тот вообще, как посмотрел – праздник устроил. Это он умеет... За основу взяли давнюю разработку Драко и Тайги, но отец переделал её полностью. Он теперь не император, а ароан– вождь. Ароан – это нечто вроде... ну, как понятней... О! Десять пещер зоргов, и все – рядом. Но вожди везде свои. Каждая пещера называется ареал. А в каждом ареале есть куча секторов, в каждом секторе – отдельные системы... Ну, там много всего. Так сразу и не расскажешь. Третий год воплощаем. Посмотрим, что выйдет. Пока мнения почти поровну – Винг, Драко, Тайга и Скай – за, остальные – не против, но и не за. Я не думаю, что получится. Но Винг говорит, у него опыт есть в такой структуре жить, и ничего...

Они говорили ещё много часов, пока зорги не заснули, прижавшись к тёплому дракону. Тот замолчал, и долго смотрел в огонь, слушая завывание ветра за окном.

– Я всё же принёс им радость... – тихо прошептал Ветер.

"И я сумел понизить скалу так, что Солнце достигло основания. Теперь они наконец познают счастье, как уже познали гордость и свободу..."

– Тьяса... О Тьяса, почему ты не сможешь узнать, что твой Крылатый принёс счастье твоему народу?.. Ну почему?!...

"А я? Я сам счастлив? Сейчас – да. Сейчас я счастлив. Но в целом..."

Ветер закрыл глаза, и перед ним возник старый зорг, сидевший на холодном осеннем ветру, и кутавшийся в обрывки парашюта.

"Тьяса... Тьяса, скажи мне: Прав ли я, взяв на себя власть?.."

"Это зависит от той цели, которую ты ставишь перед собой"

"Как же мне знать, правильна ли моя цель?"

"Спроси себя: хотел бы ты жить в основании той скалы, которую строишь? И если ответ будет "да", то ты прав."

– Нет, Тьяса. Я не хотел бы жить в основании той Скалы, что строим мы сейчас. – мрачно сказал Диктатор Ветер, слушая вой Северного Смерча, кружившего вихри ледяных кристаллов по замёрзшим равнинам холодной планеты Мортар.

КОНЕЦ

Основание скалы	1
Часть первая	4
1	5
2	9
3	12
4	20
5	26
6	29
7	33
Часть вторая.....	38
1	39
2	46
3	51
4	55
5	59
6	64
7	70
8	75
9	80
10	84
11.....	88
12	96
13	99